

Автор бестселлеров из списка
New York Times

КРИСТИНА ЛОРЕН

18+

ПРЕКРАСНЫЙ ИГРОК

страсть, дерзость, любовь

Прекрасный подонок

Кристина Лорен

Прекрасный игрок

«АСТ»

2013

Лорен К.

Прекрасный игрок / К. Лорен — «АСТ», 2013 — (Прекрасный подонок)

После того как старший брат отчитал Ханну Бергстрем за то, что она отдает все силы учебе, забывая о личной жизни, девушка решила последовать его советам: больше следить за собой, завести друзей и ходить на свидания. А кто справится с задачей по превращению Ханны в жгучую секс-бомбу лучше, чем Уилл Самнер, друг ее брата, а еще роскошный мужчина, венчурный капиталист и закоренелый бабник? Уиллу не привыкать к риску, но он сомневается в успехе этой затеи, пока его такая невинная и такая соблазнительная ученица не затаскивает его в постель и не показывает, что есть незабываемые женщины. Теперь, когда Ханна осознает всю свою сексуальность, Уиллу стоит как можно скорее доказать, что он именно тот мужчина, который ей нужен.

© Лорен К., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Пролог	6
1	10
2	21
3	34
4	38
5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Кристина Лорен

Прекрасный игрок

Печатается с разрешения издательства Gallery Books, a division of Simon & Schuster, Inc.

Beautiful Player

Copyright © 2013 by Christina Hobbs and Lauren Billings

© Зонис Ю., перевод, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Пролог

Мы стояли посреди самой уродливой квартиры на Манхэттене. Дело не только в том, что мой мозг оказался не готов восприятию искусства: все эти картины на самом деле были ужасны. Волосатая нога, растущая из цветочного стебля. Рот, из которого потоком прут макароны. Старший брат и отец, которые пришли сюда со мной, глубокомысленно мычали и кивали, словно могли понять все увиденное. Я заставляла их двигаться вперед. Создавалось впечатление, что, по негласному протоколу, мы должны сначала все осмотреть и повосхищаться искусством и лишь затем имеем право перейти к закускам, которые официанты разносили по комнате на подносах.

Но в самом конце между массивным камином и двумя безвкусными канделябрами обнаружилось изображение двойной спирали – структуры молекулы ДНК – и цитата Тима Бертона, выведенная прямо поверх полотна: «Всем нам известно, что романтическая связь между представителями разных видов – это странно».

Здорово. Рассмеявшись, я обернулась к Дженсену и папе:

– Ну ладно, вот *это* хорошо.

Дженсен вздохнул:

– Так и знал, что тебе она понравится.

Оглянувшись на картину и снова на брата, я спросила:

– Почему? Потому что здесь только эта вещица имеет хоть какой-то смысл?

Дженсен покосился на отца, и что-то проскользнуло между ними, как будто папа даровал ему свое родительское благословение.

– Нам надо поговорить о твоём отношении к работе.

Прошло не меньше минуты, прежде чем я осознала решительность его слов, тона и взгляда, и в мозгу у меня прозвенел тревожный звоночек.

– Дженсен, – сказала я, – ты что, действительно собираешься говорить об этом здесь?

– Да, здесь.

Его зеленые глаза сузились.

– За последние два дня я впервые вижу, что ты выбралась из лаборатории и при этом не спишь и не давишься едой.

Я часто замечала, как самые характерные черты моих родителей – проницательность, обаяние, осторожность, импульсивность и целеустремленность – не смешиваясь, четко распределились между пятью их отпрысками.

И сейчас, прямо посреди приема на Манхэттене, Проницательность и Целеустремленность вступили в бой.

– Мы на вечеринке, Дженс. Предполагается, что мы должны обсуждать эти прелестные картины, – парировала я, неопределенно махнув рукой на стены пышно меблированной гостиной. – И скандальное поведение... ну... чье-нибудь.

Я не знала ни одной свежей сплетни, и этот маленький белый флажок, демонстрирующий мою неосведомленность, только подтвердил правоту Дженсена.

Старший братец поборол желание закатить глаза.

Папа протянул мне закуску, напоминающую садовую улитку на крекере. Когда официант удалился, я незаметно спрятала ее в платок. Тело под новым платьем немилосердно чесалось, и я сильно жалела, что не успела поспрашивать в лаборатории о белье из спандекса, которое нацепила на вечеринку. Судя по моему первому опыту, его изобрел сам Сатана или мужичонка, слишком тощий даже для зауженных джинсов.

– Ты ведь не просто умная, – твердил мне Дженсен. – Ты веселая, общительная. Ты симпатичная девушка.

– Женщина, – промямлила я.

Он наклонился ближе, чтобы наш разговор не услышали проходящие мимо гости. Не дай бог, кто-то из представителей нью-йоркского истеблишмента пронюхает, что старший братец уговаривает меня развивать талант социальной проституции.

– Поэтому я не понимаю, почему, прогостив у тебя три дня, мы все это время общались только с *моими* друзьями.

Я улыбнулась Дженсу, чувствуя благодарность за его чрезмерную опеку, но затем во мне медленно начало разгораться раздражение. Так, прикоснувшись к раскаленному утюгу, ты сначала отдергиваешь руку, а потом просыпается длительная, пульсирующая боль от ожога.

– Я почти закончила учебу, Дженс. После этого у меня будет масса времени пожить полной жизнью.

– Но это и есть твоя жизнь, – настойчиво повторил он, широко распахнув глаза. – Прямо сейчас. В твои годы я был завзятым троечником и в лучшем случае надеялся проснуться в понедельник утром без похмелья.

Папа молча стоял рядом. Последнюю ремарку он проигнорировал, зато кивал, соглашаясь с общей мыслью, что я неудачница и у меня нет друзей. Я смерила его взглядом, означая примерно следующее: и это я слышу от ученого-трудоголика, который проводит в лаборатории больше времени, чем у себя дома? Но папа никак не отреагировал и продолжал смотреть на меня с тем же выражением, с каким обычно глядел на непокорный химический компонент: озадаченным, даже слегка возмущенным. Как же, ведь эта штука должна была раствориться, вместо того чтобы студенистой суспензией осесть на дне пробирки.

От отца мне досталась целеустремленность, но он всегда полагал, что мать поделилась со мной толикой своего обаяния. Может, потому, что я была женщиной, или из убеждения, что каждое следующее поколение должно исправлять ошибки предыдущего, – в общем, он не сомневался, что я намного лучше его сумею сбалансировать карьеру и личную жизнь. В тот день, когда папе стукнуло пятьдесят, он позвал меня к себе в офис и прямо сказал: «Люди так же важны, как наука. Учись на моих ошибках».

А затем он расправил на столе какие-то бумаги, стал пялиться на свои руки и пялился до тех пор, пока мне не стало скучно и я не вернулась в лабораторию.

Что ж, я явно не преуспела.

– Я знаю, что давлю на тебя, – шепнул Дженсен.

– Немного, – согласилась я.

– И знаю, что вмешиваюсь в твою жизнь.

Я смерила его многозначительным взглядом и прошептала:

– Ты моя личная Афина Паллада.

– Не считая того, что я не грек и у меня есть член.

– Я пытаюсь забыть этот факт.

Дженсен вздохнул, и тут отец, похоже, осознал, что в одиночку братец не справится. Они оба приехали навестить меня, и хотя для неожиданного визита в феврале отцовско-сыновняя комбинация показалась довольно странной, до сих пор я об этом как-то не задумывалась. Папа обнял меня за плечи и прижал к себе. Руки у него были длинные и тощие, но хватка такая цепкая, что сразу становилось ясно – он намного сильнее, чем кажется с виду.

– Зигге, ты хорошая девочка.

Я улыбнулась папиной версии тщательно подготовленного родительского напутствия.

– Спасибо.

– Ты знаешь, что мы тебя любим, – добавил Дженсен.

– Я тоже вас люблю. По большей части.

– Но... считай, что это интервенция. Ты подседа на свою работу. Подседа на быстрый путь карьерного роста или что там еще себе навоображала. Может, я всегда лезу не в свое дело и пытаюсь руководить тобой...

– Может? – перебила его я. – Ты диктовал все, начиная с того, когда родителям можно было снять тренировочные колесики с моего детского велосипеда, и до того, во сколько мне разрешалось возвращаться домой по вечерам. И, на минуточку, ты тогда уже не жил с нами, Дженс. Мне было *шестнадцать*.

Он оборвал меня взглядом.

– Клянусь, я не собираюсь указывать тебе, что делать...

Брат замолчал и принялся оглядываться по сторонам, словно надеясь увидеть статиста с табличкой, на которой написано окончание фразы. Просить Дженсена воздержаться от вмешательства в мою жизнь было все равно что попросить кого-то другого перестать дышать – всего на десять коротких минуток.

– Просто позвони кому-нибудь.

– Кому-нибудь? Дженсен, ты утверждаешь, что у меня нет друзей. Это не совсем правда, но кому, по-твоему, я могу позвонить, чтобы начать это так называемое «погружение в жизнь»? Другому магистранту, не меньше меня зарывшемуся в исследования? Мы занимаемся биоинженерией. Не самые подходящие условия для светских львов.

Дженсен закрыл глаза и простоял некоторое время, подняв голову к потолку, пока его, кажется, не осенило. Он снова воззрился на меня, подняв брови. В глазах его светилась надежда, смешанная с братской нежностью, бессмысленной и беспощадной.

– Как насчет Уилла?

Я вырвала непочатый бокал шампанского из папиной руки и выпила одним глотком.

Повторять дважды Дженсену не требовалось. Уилл Самнер был лучшим другом Дженсена по колледжу, бывшим стажером отца и предметом всех моих девических грез. А в то время как я считалась милой младшей сестричкой-ботаничкой, Уилл был плохим парнем, вундеркиндом с кривой ухмылкой, серьгой в ухе и парой голубых глаз, способных загипнотизировать любую девчонку.

Когда мне исполнилось двенадцать, а Уиллу – девятнадцать, они с Дженсеном приехали на Рождество к нам домой на несколько дней. Уилл любил грязные словечки, но уже тогда казался мне чертовски соблазнительным, он на пару с Дженсеном брэнчал в сарае на гитаре и все каникулы шутивно заигрывал с моей старшей сестрой Лив. Когда мне было шестнадцать, он как раз закончил колледж и прожил с нами все лето, стажирясь у отца. От него исходила такая мощная сексуальная аура, что я подарила свою невинность неуклюжему и неприметному парню из нашего класса – лишь бы избавиться от сладкой боли, которую вызывало одно присутствие Уилла.

Я была практически уверена, что моя сестра по меньшей мере целовалась с ним – к тому же Уилл был для меня слишком взрослым – но за закрытыми дверями в самой глубине своего сердца я признавала, что Уилл был первым парнем, которого мне захотелось поцеловать. Первым парнем, заставившим меня запустить руку под простыни, когда я мечтала о нем в темноте своей спальни.

О нем и о его дьявольской плутовской улыбке и пряди волос, постоянно падавшей на правый глаз.

О его гладких, мускулистых предплечьях и загорелой коже.

О его длинных пальцах и даже маленьком шраме на подбородке.

Все парни моего возраста говорили одинаково, а у Уилла был низкий и спокойный голос. Терпеливый, всепонимающий взгляд. Его руки не дергались и ничего не теребили без толку –

обычно они прятались глубоко в его карманах. Глядя на девушек, он облизывал губы и отпускал негромкие, уверенные замечания об их груди, ногах и языках.

Моргнув, я подняла глаза на Дженсена. Мне было уже не шестнадцать лет. Мне исполнилось двадцать четыре, а Уиллу – тридцать один. В последний раз я видела его на злосчастном бракосочетании Дженсена и обнаружила, что спокойная, чарующая улыбка Уилла стала лишь ярче и притягательней. Я заворожено наблюдала за тем, как он исчез в гардеробной с двумя подружками моей новоиспеченной невестки.

– Позвони ему, – настойчиво повторил Дженсен, вырывая меня из воспоминаний. – Уилл отлично умеет совмещать работу и личную жизнь. Он местный, и он *хороший парень*. Просто... выбирайся иногда из дома, ладно? Он о тебе позаботится.

От слов старшего брата по коже побежали мурашки. Я попыталась успокоиться, сама не понимая, какой именно заботы мне бы хотелось ждать от Уилла. Хотелось ли мне, чтобы он по-прежнему оставался лишь другом моего брата, помогающим сестренке Дженсена найти баланс между общением и работой? Или я желала взглянуть на объект своих самых грязных фантазий уже другим, взрослым взглядом?

– Ханна, – гнул свое отец, – ты слышала, что сказал твой брат?

Мимо прошел официант с целым подносом шампанского, и я махнула пустой бокал на новый, полный шипящих пузырьков.

– Я его слышала. И я позвоню Уиллу.

1

Один гудок. Второй.

Прекратив вышагивать по комнате, я отдернула штору и выглянула в окно, хмурясь на предрассветное небо. Было еще темно, но я рассудила, что чернота уступает место синеве, а на горизонте появляются розовые и лиловые полосы – значит, технически уже утро.

Это был третий день после нотации Дженсена и, соответственно, моя третья попытка позвонить Уиллу. И хотя я совершенно не представляла, что ему сказать, – и о чем думал Дженс, когда предложил сделать этот звонок, – однако чем больше я размышляла, тем ясней понимала, что брат был прав. Я почти все время торчала в лаборатории, а дома либо спала, либо ела. Перебравшись в пустую квартиру родителей на Манхэттене, вместо того чтобы поселиться рядом с однокурсниками где-нибудь в Бруклине или Квинсе, я тоже никак не расширила круг своих знакомств. Содержимое моего холодильника состояло из пары-тройки овощей, еды на вынос сомнительной свежести и замороженных обедов. Вся моя жизнь до сего момента вращалась вокруг окончания учебы и старта блестящей научной карьеры. Осознание того, как узка сфера моих интересов, действовало отрезвляюще.

Очевидно, моя семья тоже обратила на это внимание, а Дженсен по какой-то причине вбил себе в голову, что именно Уилл спасет меня от грядущей участи старой девы.

Я была уверена в этом куда меньше. Намного, намного меньше.

Следовало признать, что наша общая история была весьма скудна. Вполне возможно, он вообще меня толком не помнил. Кто я – младшая сестренка, элемент пейзажа, фон, на котором случились многочисленные похождения в компании Дженсена и краткая интрижка с моей сестрой. И сейчас я собиралась звонить ему... для чего? Чтобы он куда-нибудь меня сводил? Поиграл со мной в настольные игры? Научил меня, как...

Я даже не могла закончить эту мысль.

Я подумывала о том, а не повесить ли трубку. Не забраться ли обратно в постель, сообщив братцу, что он может поцеловать меня в задницу и найти себе новый объект для усовершенствования? Но на четвертом гудке, когда я сжала телефонную трубку так сильно, что отпечаток мог остаться до завтра, Уилл ответил:

– Аллю?

Голос у него был такой же, как в моих воспоминаниях, – глубокий и звучный, только еще ниже.

– Аллю? – повторил он.

– Уилл?

Я услышала, как он резко втянул воздух и с улыбкой в голосе произнес мое прозвище:

– Зигги?

Я рассмеялась – конечно, именно так он меня и запомнил. Теперь меня так называли только в кругу семьи. Вообще-то никто понятия не имел, что это значит: было довольно смело доверить двухлетнему Эрику ответственное дело по подбору прозвища для его новорожденной сестрички, – но имя прижилось.

– Да. Это Зигги. Но как ты...

– Вчера я говорил с Дженсеном, – объяснил Уилл. – Он рассказал мне о своем визите и вербальной порке, которую тебе устроил. И упомянул, что ты можешь позвонить.

– Ну, вот и позвонила, – робко промямлила я.

Раздались кряхтенье и шелест простыней. Я, конечно, совершенно не пыталась представить, сколько обнаженной плоти сейчас на другом конце линии. Но когда до меня дошло, что голос Уилла звучит устало, потому что я его разбудила, бабочки, порхавшие в животе, подступили к горлу. Ну что ж, возможно, технически утро еще *не наступило*...

Снова бросив взгляд в окно, я выпалила:

– Я ведь тебя не разбудила?

У меня не хватило мозгов даже взглянуть на часы, а сейчас я боялась это сделать.

– Все в порядке. Будильник все равно бы зазвонил через... – он зевнул, – через час.

Я подавила покаянный вздох.

– Извини. Я немного... нервничала.

– Нет, все в порядке. Невероятно, как я мог забыть, что ты сейчас живешь в городе. Мне говорили, ты заперлась в «P and S» и уже три года сидишь в ламинаре, капая в пробирки из пипетки.

Во время этого шутивого реприманда его низкий голос стал более хриплым, и в животе у меня что-то сжалось.

– Похоже, ты на стороне Дженсена.

Его тон смягчился.

– Просто он беспокоится за тебя. Поскольку он твой старший брат, это его любимое занятие.

– Это я уже слышала.

Мне надо было как-то сдерживать нервную энергию, так что я снова принялась мерить шагами комнату.

– Надо было мне позвонить раньше...

– Это мне надо было позвонить раньше.

Уилл пошевелился – кажется, сел. Я снова услышала, как он застонал, потягиваясь, и закрыла глаза. Звучало точь-в-точь как стоны во время секса. Это отвлекало.

Дыши носом, Ханна. Держи себя в руках.

– Хочешь чем-нибудь заняться сегодня? – выпалила я.

Вот вам и все спокойствие.

Он замешкался с ответом, и я уже готова была вклеить себе пощечину за то, что не подумала: у него ведь могут быть другие планы. Например, работа. А после работы, например, свидание с девушкой. Или с женой. Я наострила уши, пытаясь уловить каждый шорох в потрескивающей тишине.

Прошла вечность, прежде чем он спросил:

– А какие у тебя будут предложения?

Вопрос со значением.

– Ужин?

Несколько долгих секунд Уилл молчал.

– Сегодня я занят. Позднее совещание. Как насчет завтра?

– Лаборатория. Я уже записалась на восемнадцать часов работы с микроскопом. Эти клетки растут очень медленно, так что у меня будет полное основание сделать себе харакири, если я напортачу и придется начинать все снова.

– Восемнадцать часов? Длинный денек получается, Зиггс.

– Я знаю.

Помычав себе под нос, он спросил:

– А во сколько ты должна сегодня появиться в лаборатории?

– Позже, – ответила я и, содрогнувшись, взглянула на часы.

Было только *шесть утра*.

– Где-то в районе девяти или десяти.

– Хочешь пробежаться со мной в парке?

– Ты бегаешь? – удивилась я. – Специально?

– Да, – ответил он, уже не скрывая смеха. – Не сматываюсь от погони, если ты это имела в виду, а просто упражняюсь.

Я зажмурилась, чувствуя знакомый позыв довести дело до конца, словно мне предстояло какое-то состязание или чертово задание. Этот дурак Дженсен!

– Когда?

– Через тридцать минут.

Я снова выглянула в окно. Едва рассвело. На земле лежал снег. *Трансформация*, напомнила я себе. И, закрыв глаза, произнесла:

– Пришли мне смской инструкцию, как туда добраться. Встретимся там.

Было холодно. Точнее, стоял такой дубак, что у меня вся задница заледенела.

Расхаживая взад-вперед, чтобы не замерзнуть, я перечитала смску Уилла. Там говорилось, что мы встречаемся у Инженерных ворот Центрального парка, на пересечении Пятой и Девятнадцатой. Утренний мороз обжигал лицо и просачивался сквозь ткань брюк. Надо было взять шапку. Надо было вспомнить, что я в Нью-Йорке, и сейчас февраль, и здесь только сумасшедшие ходят в парк в феврале. Пальцев я уже не чувствовала и вполне обоснованно опасалась, что от ледяного воздуха в сочетании с ветром у меня отвалятся уши.

Вокруг почти не было людей: только рьяные спортсмены и парочка юных влюбленных, прижавшихся друг к другу под высоким и тонким деревом. В руках у каждого был бумажный стакан, а в стакане – что-то горячее и вкусное на вид. Стайка серых птиц клевала землю, а солнце только-только поднималось из-за дальних небоскребов.

Всю свою жизнь я балансировала на тонкой грани между приличной девочкой и занудным ботаником, так что и прежде часто чувствовала себя не в своей тарелке: когда мне вручали приз за исследования в Массачусетском технологическом институте перед тысячами студентов и их родителей; почти всякий раз, когда отправлялась в тур по магазинам, и – самое запоминающееся – когда в одиннадцатом классе Итан Кингмен попросил ему отсосать, а я понятия не имела, как это можно было бы совместить с необходимостью дышать. Сейчас, глядя на светлеющее с каждой минутой небо, я бы с радостью променяла нынешнее утро на любое из этих воспоминаний – лишь бы оказаться подальше отсюда.

Не то чтобы меня пугала пробежка... ну ладно, в какой-то мере да. Бегать мне не хотелось. Я даже не знала толком, что такое спортивный бег. Но встречи с Уиллом я не боялась. Просто нервничала. Я помнила, каким он был – в его обращении всегда присутствовало что-то ленивое, гипнотическое. Нечто, просто источавшее сексуальную ауру. Раньше мы никогда не общались один на один, и я опасалась, что мне не хватит выдержки.

Брат дал мне задание: начать жить более полной жизнью. Конечно же, он знал, что верный способ заставить меня действовать – это дать почувствовать свою никчемность. И хотя я ничуть не сомневалась, что Дженсен не собирался отправлять меня на свидание с Уиллом и – давайте уж взглянем правде в глаза – укладывать к нему в постель, я должна была понять, как Уилл думает, взять несколько уроков у мастера и приобрести его ценные социальные навыки. Просто надо было представить себя секретным агентом, работающим под прикрытием: войти, выйти и остаться невредимой.

В отличие от моей сестры.

После того как на Рождество семнадцатилетняя Лив закрутила роман с Уиллом – девятнадцатилетним, с серьгой в ухе, играющим на бас-гитаре, – я *много* узнала о том, каково приходится девушке-подростку, втюрившейся в плохого парня. Уилл Самнер был олицетворением такого парня.

Все они липли к моей сестре, но ни о ком Лив не говорила так, как об Уилле.

– Зигги!

Я скинула голову на звук своего имени и оценивающе уставилась на того, о ком думала и кто как раз шагал ко мне. Уилл стал выше, чем я помнила: худощавый, с вытянутым торсом и длинными руками и ногами – настолько, что должен был казаться неуклюжим, однако

почему-то не казался. В нем всегда было что-то притягательное и неотразимое, не имевшее никакого отношения к классически правильной внешности, и все же мужчина моих воспоминаний четырехлетней давности был бледной тенью того, кого я видела сейчас перед собой.

Улыбка у него осталась такой же: чуть кривой, медлительной и оттого придающей лицу неизменно озорное выражение. Приближаясь ко мне, он оглянулся на вой сирены, так что я смогла разглядеть его профиль, щетину на подбородке и длинную загорелую шею над воротничком спортивного свитера.

Когда Уилл подошел, его улыбка стала шире.

– С утречком, – заявил он. – Так и думал, что это ты. Помню, ты всегда так расхаживала, когда нервничала по поводу школы или еще чего-нибудь. Доводила свою маму до истерики.

Недолго думая, я шагнула вперед, обвила руками шею Уилла и крепко его обняла. Не помню, чтобы мы прежде стояли так близко друг к другу. Он был твердым и теплым. Я закрыла глаза, почувствовав, как он прижался лицом к моей макушке.

От его низкого голоса дрожь отдалась во всем теле.

– Так приятно тебя видеть.

Секретный агент Ханна.

Я неохотно отступила на шаг, втянув носом смесь свежего воздуха и запаха его мыла.

– Я тоже рада тебя видеть.

Из-под вязаной шапочки выбивались взлохмаченные темные пряди и смотрели ярко-голубые глаза. Уилл подошел ближе и водрузил мне что-то на голову.

– Я подумал, что тебе это понадобится.

Подняв руку, я нащупала плотную шерстяную шапку. Ох, он был так обезоруживающе любезен.

– Спасибо. Может, мне все-таки удастся сохранить уши.

Ухмыльнувшись, он сделал шаг назад и оглядел меня с ног до головы.

– Ты выглядишь... по-другому, Зиггс.

Я рассмеялась.

– Никто уже не называл меня так целую вечность, не считая родных.

Его улыбка померкла. Какую-то секунду он напряженно вглядывался мне в лицо, словно надеялся, что при определенном везении настоящее имя выступит у меня на лбу. Он всегда называл меня Зигги, так же, как братья и сестра: Дженсен, конечно, а еще Лив, Нильс и Эрик. До отъезда из дома я всегда была просто Зигги.

– И как же обращаются к тебе друзья?

– Ханна, – тихо ответила я.

Уилл продолжал сверлить меня взглядом. Он смотрел на мою шею, на губы, а затем уделил какое-то время глазам. Энергия, разлившаяся между нами, была ощутима почти на ощупь... но нет. Наверное, я поняла его совершенно неправильно. В этом и заключалась главная опасность Уилла Самнера.

– Итак, – начала я, задирая брови. – Пробежка.

Уилл моргнул, словно только сейчас понял, где мы.

– Точно.

Кивнув, он натянул шапку пониже на уши. Сейчас Уилл выглядел совершенно другим человеком – отутюженным и успешным, но, присмотревшись, я увидела чуть заметные точки там, где раньше были серги.

– В первую очередь, – сказал он, и я поспешно перевела взгляд на его лицо, – я хочу, чтобы ты остерегалась гололеда. Тут хорошо чистят дорожки, но, если считать ворон, можно сильно расшибиться.

– Ладно.

Он указал на тропинку, огибавшую замерзший пруд.

– Это нижний круг. Он окружает водохранилище и идеально подходит для бега, потому что тут всего пара неровных мест.

– Ты бегаешь здесь каждый день?

В глазах Уилла вспыхнули искорки. Он покачал головой.

– Не по этой дорожке. Она длиной всего полторы мили¹. Поскольку ты у нас начинающая, в начале и в конце мы будем двигаться шагом, а пробежим только милю в середине.

– Почему бы нам просто не пробежать по твоему обычному маршруту? – спросила я.

Мне не понравилось, что из-за меня ему придется бежать медленней и менять свой обычный режим.

– Потому что там шесть миль.

– Справлюсь с этим без проблем, – заявила я.

Мне показалось, что шесть миль – это не так уж и много. Всего-то тридцать две тысячи футов. Если шагать широко, то что-то около шестнадцати тысяч шагов... Полностью осознав это, я почувствовала, как уголки рта ползут вниз.

С выражением бесконечного терпения Уилл потрепал меня по плечу.

– Конечно, справишься. Но давай посмотрим, как у тебя сегодня пойдут дела, и поговорим.

А затем подмигнул.

Что ж, похоже, бегуна из меня не получилось.

– Ты делаешь это каждый день? – пропыхтела я.

По виску ползла струйка пота, стекая на шею, а у меня даже не было сил поднять руку и утереться.

Уилл кивнул так, словно всего лишь наслаждался быстрой утренней прогулкой. А я чувствовала, что сейчас сдохну.

– Сколько еще?

Он оглянулся на меня со снисходительной – и чертовски соблазнительной – ухмылкой.

– Полмили.

О господи.

Я выпрямилась и задрала подбородок. Мне это под силу. Я молода и нахожусь в... относительно хорошей форме. Почти весь день я проводила на ногах, бегая по лаборатории из одной комнаты в другую, а в квартиру всегда поднималась по лестнице. Конечно же, я справлюсь.

– Хорошо... – отозвалась я.

Мои легкие словно залили цементом, так что воздух приходилось пропихивать внутрь маленькими судорожными глотками.

– Отличные ощущения.

– Тебе уже не холодно?

– Нет.

Я почти слышала, как кровь грохочет в венах, а сердце готово было вырваться из грудной клетки. Наши подошвы стучали по дорожке, и, да, я уже совершенно не мерзла.

– Не считая того, что ты все время занята, – спросил Уилл, совершенно не задыхаясь, – тебе нравится твоя работа?

– Я люблю ее, – пропыхтела я, – обожаю работать с Лиемаки.

Какое-то время мы говорили о моем проекте и сотрудниках. Уилл слышал о моем научном руководителе, имевшем большой авторитет в области разработки вакцин. Меня впечатлило, что Уилл старается читать свежие статьи, хотя, по его словам, в мире венчурного капи-

¹ Здесь и далее используются английские меры длины: миля (≈ 1,6 км), ярд (≈ 0,9 м), фут (≈ 0,3 м), дюйм (= 2,54 см).

тала этот сегмент науки окупается далеко не всегда. Но его интересовала не только моя работа: он хотел знать и о личной жизни и расспрашивал об этом с обескураживающей прямоотой.

– Лаборатория и есть моя жизнь, – сказала я и оглянулась на Уилла, чтобы понять, насколько он меня осуждает.

Он и глазом не моргнул. У нас было несколько магистрантов и целая армия постдоков, пытающихся выпустить как можно больше статей.

– Они все классные, – пояснила я и, сглотнув, набрала полную грудь воздуха. – Но лучше всего у меня отношения с двумя. Только они оба женаты и имеют детей, так что вряд ли после работы мы можем завалиться в бильярдную.

– Сильно сомневаюсь, что бильярдные еще открыты после того, как ты уходишь из лаборатории, – подколот меня Уилл. – Разве не поэтому я здесь? Чтобы сыграть роль старшего брата и попытаться вытащить тебя из обычной рутины?

– Верно, – рассмеялась я. – Вообще-то я разозлилась, когда Дженсен наехал на меня и потребовал наладить личную жизнь. Но сейчас я понимаю, что в чем-то он прав.

Несколько шагов я пробежала молча, а потом продолжила:

– Просто я так долго закичивалась на работе – набрасывалась на один проект, а затем на следующий и на следующий, – что у меня не было времени остановиться и порадоваться достигнутому.

– Ага, – тихо согласился он. – Это нехорошо.

Его взгляд давил на меня, так что я старалась смотреть только на дорожку перед нами.

– Ты никогда не думал, что люди, которые больше всего для нас значат, – вовсе не те, кого мы видим каждый день?

Он не ответил, и я добавила:

– В последнее время я чувствую, что растрчиваю себя по пустякам.

Краем глаза я заметила, как он кивнул и отвел взгляд. Казалось, прошла вечность, прежде чем я дождалась ответа. Наконец Уилл сказал:

– Да, я тебя понимаю.

А секундой позже я уже обернулась на его смех. Глубокий и низкий, этот звук пробрал меня до костей.

– Что с тобой? – спросил он.

Проследив за его взглядом, я обнаружила, что прижимаю руки к груди. Внутренне содрогнувшись, я призналась:

– У меня уже сиськи болят. Как вы, парни, это делаете?

– Ну, во-первых, у нас нет... – он неопределенно махнул в сторону моей груди.

– Да, но как насчет того, что у вас есть? Вы что, бегае в семейных трусах?

Матьер божья, что со мной не так? Проблема номер раз: я не умею фильтровать базар.

Уилл бросил на меня изумленный взгляд и чуть не споткнулся об упавшую ветку.

– Что?

– Семейные трусы, – чуть ли не по слогам повторила я. – Или, может, у вас там есть что-то, предохраняющее от...

Он разразился громким лающим смехом, отразившимся от застывших в морозном воздухе деревьев.

– Нет, никаких семейников, – ответил он. – Иначе там слишком много чего будет болтаться.

Подмигнув, Уилл снова уставился вперед на дорожку. На лице его блуждала игривая полуухмылка.

Я решила его подразнить.

– У тебя там как, что-то лишнее?

Уилл насмешливо покосился на меня.

– Если тебе хочется знать, у меня там тренировочные трусы. Обтягивающие, чтобы мальчик не повредил самое ценное.

– Похоже, девочкам в *этом* смысле повезло. Никаких лишних деталей внизу, – я дико взмахнула руками, – так что ничего не болтается. Внизу мы компактны.

Мы наконец-то добрались до ровной части тропы и перешли на шаг. Уилл, идущий рядом со мной, тихо посмеивался.

– Я заметил.

– Ты настоящий эксперт.

Он окинул меня подозрительным взглядом.

– Что?

Какую-то секунду мозг попытался удержать рвущиеся наружу слова, но было слишком поздно. У меня по жизни получалось так: что на уме, то и на языке. Родные с энтузиазмом тыкали меня в это носом при каждом удобном и неудобном случае, но сейчас, похоже, мозг воспользовался редкой возможностью выложить легендарному Уиллу все, словно второго шанса мне уже не должно было представиться.

– Ты... эксперт по *кискам*, – шепнула я, почти беззвучно выговорив слово на букву К.

Уилл выпучил глаза и замедлил шаги.

Я остановилась и согнулась, пытаясь отдышаться.

– Ты сам так говорил.

– Когда это я представлялся «экспертом по кискам»?

– Ты что, не помнишь, как говорил нам это? Ты сказал, что Дженсен хорош на словах, а ты – на деле. И еще так многозначительно поиграл бровями.

– Какой ужас. Как ты вообще могла все это запомнить?

Я выпрямилась.

– Мне было двенадцать. А тебе девятнадцать, и ты был мегасуперсексуальным другом моего старшего брата и отпускал шуточки о сексе у нас дома. Я считала тебя почти мифическим существом.

– А почему я ничего такого не помню?

Пожав плечами, я уставилась мимо него на дорожку, теперь уже запруженную людьми.

– Возможно, по той же причине.

– А еще не помню, чтобы ты была такой забавной. Или такой... – тут он украдкой снова смерил меня взглядом, – взрослой.

Улыбнувшись, я сказала:

– Я и не была.

Он завел руки за спину и стянул свитер через голову. На мгновение футболка под свитером задралась, обнажив солидную часть его торса. Меня чуть не парализовало на месте, когда я увидела плоский живот Уилла и полоску темных волос, тянущуюся от пупка и исчезающую в трусах. Его спортивные штаны сидели достаточно низко, чтобы я могла разглядеть скульптурные линии его бедер, дразнящий намек на мужское достоинство, ноги и... черт побери, у Уилла Самнера было невероятное тело.

Когда он заправил футболку обратно в штаны, мой транс прервался, и, подняв голову, я начала пожирать глазами все остальное. Например, руки, теперь голые, если не считать коротких рукавов футболки. Уилл почесал шею, не замечая, как я смотрю на его предплечье. У меня осталось множество воспоминаний о нем после того лета, которое он прожил с нами, стажирясь у папы: как я сижу с ним и Дженсеном на диване и мы смотрим фильм; как я сталкиваюсь с ним в коридоре, и на нем ничего, кроме полотенца; как он уминает обед на кухне после долгого дня в лаборатории. Но лишь зловещее воздействие темной магии, не иначе, заставило меня позабыть о его татуировках. Увидев их сейчас, я тут же вспомнила синюю птицу у него на плече, а также гору и обвитые плющом древесные корни на бицепсе.

Но некоторых я прежде не видела. Чернильные завитки в середине предплечья образовывали двойную спираль ДНК, а на второй руке из-под рукава выглядывало изображение фонографа. Уилл подозрительно замолчал. Подняв глаза, я обнаружила, что он ухмыляется.

– Извини, – пробормотала я со смущенной улыбкой. – У тебя появились новые.

Быстро облизнув губы, он развернулся, и мы продолжили прогулку.

– Не извиняйся. Я бы их не сделал, если бы не хотел, чтобы на них смотрели.

– А это не кажется странным? Ну, с твоим бизнесом и прочим?

Пожав плечами, он проворчал:

– Длинные рукава, пиджаки. Большинство и не знает, что они у меня есть.

К сожалению, эта фраза заставила меня думать вовсе не о неосведомленном большинстве, а о тех немногих, кому была знакома каждая чернильная черточка на его теле.

Угроза Уилла Самнера, напомнила я себе. Все, что он говорит, звучит двусмысленно, и вот теперь ты представляешь его голым. *Опять.*

Я заморгала, пытаясь подыскать новую тему.

– А что насчет твоей жизни?

Он посмотрел на меня с опаской.

– А что ты хочешь знать?

– Тебе нравится твоя работа?

– По большей части.

Я улыбнулась в ответ.

– Ты часто видишь семью? Твоя мать и сестры в Вашингтоне, да?

Я помнила, что у Уилла были две сестры, обе намного старше его. Они жили неподалеку от матери.

– В Орегоне, – поправил он. – И да, пару раз в году.

– Ты с кем-то встречаешься? – брякнула я.

Уилл нахмурился, словно толком не понял, о чем я спрашиваю. Секундой позже он ответил:

– Нет.

Эта милая заминка помогла мне забыть, насколько неприлично прозвучал мой вопрос.

– Неужели об этом пришлось так долго думать?

– Нет, мисс Остроумие. И нет, мне некого представить тебе со словами: «Привет, Зигги, это такая-то и такая-то, моя девушка».

Я хмыкнула себе под нос, изучающе глядя на Уилла.

– Какая точность в определениях.

Стащив с головы шапку, он зарылся пальцами в шевелюру. Его волосы были влажными от пота и торчали во все стороны.

– Ни одна женщина не привлекла твоего внимания?

– Парочка привлекла.

Он обернулся ко мне, совершенно не обескураженный учиненным мной допросом. Я помнила эту его черту: Уилл никогда не чувствовал потребности объясниться, но и не уклонялся от вопросов.

Несомненно, он остался все тем же Уиллом: женщин много, а одной-единственной нет. Снова моргнув, я уперлась взглядом в его грудь, которая поднималась и опускалась в такт успокаивающемуся дыханию. Затем покосилась на мускулистые плечи, переходящие в гладкую, загорелую шею. Его губы чуть приоткрылись, и по ним снова быстро прошелся язык. Резко очерченный подбородок Уилла был покрыт темной щетиной. Я ощутила внезапное всепоглощающее желание почувствовать ее уколы на своих бедрах.

Мой взгляд опустился ниже, на его сильные предплечья, крупные кисти рук, сейчас ослабленные, – боже мой, я на секунду представила, на что способны эти пальцы, – на плос-

кий живот и ширинку спортивных штанов, недвусмысленно говорящую, что Уиллу Самнеру есть чем похвастаться ниже пояса. Матерь божья, мне хотелось затрахать этого парня до полусмерти, стерев усмешку с его лица.

Над нами нависло молчание, отягощенное пониманием. Увы, я не пряталась за непрозрачным стеклом и никогда не умела строить непроницаемую физиономию. Уилл, скорей всего, прочел все мои мысли до единой.

Когда Самнер понял, его глаза потемнели. Он придвинулся на шаг ближе, рассматривая меня с головы до ног как попавшего в ловушку зверька. На губах его заиграла ослепительная и смертоносная улыбка.

– И каков вердикт?

Я судорожно сглотнула и сжала кулаки, чувствуя, как вспотели ладони.

– Уилл?

Он моргнул раз, второй, а затем шагнул назад, приходя в себя. Я практически видела, как в его мозгу закрутились колесики: *это младшая сестренка Дженсена... она на семь лет моложе меня... я встречался с Лив... эта девчонка – ботаник... включи голову и перестань думать членом.*

Чуть вздрогнув, он поспешно пробормотал:

– Все верно. Извини.

Я расслабилась. Его реакция меня позабавила. В отличие от меня Уилл славился своей невозмутимостью... но не здесь и, очевидно, не со мной. Когда я осознала это, то чуть не раздулась от гордости: может, он самый неотразимый и сексуальный парень на планете, но Ханна Бергстрем способна справиться с Уиллом Самнером.

– Итак, – продолжила я. – Еще не готов остепениться?

– Ни в коем случае.

Уголок его рта поднялся в улыбке – видимо, чтобы окончательно выбить почву у меня из-под ног. Мое сердце и нижние регионы явно не пережили бы ночи с этим мужчиной.

Хорошо, что это полностью исключается, киска. Успокойся.

Мы сделали круг, вернувшись к началу тропинки, и Уилл прислонился к дереву. Склонив голову к плечу, он вновь вернулся к изначальной теме разговора – ко мне.

– Так с чего ты решила именно сейчас нырнуть в мир живых? Я знаю, что Дженсен и твой папа хотят, чтобы ты больше вращалась в обществе, но в самом деле, Зиггс, ты ведь симпатичная девушка. Не может быть, чтобы к тебе не подкатывались с предложениями.

На секунду я прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Разумеется, Уилл посчитал, что я просто ищу, с кем бы потрахаться. И если говорить по правде... он не совсем ошибался. Но я не видела никакого осуждения у него на лице, ни малейшей попытки отстраниться от такой щекотливой темы.

– Дело не в том, что у меня не было парней. Дело в том, что хорошие как-то не попадались, – ответила я, вспомнив свое последнее, на удивление невыразительное свидание. – Учитывая мою исключительную неотразимость, в это слабо верится, но вообще-то в таких ситуациях я пасую. Дженсен много мне рассказывал. Ты ухитрился закончить магистратуру с высшими баллами и при этом развлекался, как мог. А у меня в лаборатории, похоже, собрались фрики и гики, для которых социальная неприспособленность не просто норма, а отдельное поле исследований. Не то чтобы за мной там выстраивались в очередь, если ты понимаешь, о чем я.

– Ты еще молода, Зиггс. Почему ты беспокоишься об этом сейчас?

– Я не беспокоюсь, но мне уже двадцать четыре. С телом у меня все в порядке, а на ум приходят интересные фантазии. Мне просто хочется... поэкспериментировать. Ты об этом не думал, когда был в моем возрасте?

Уилл пожал плечами.

– Меня это не напрягало.

– Конечно же нет. Стоило тебе заломить бровь, как со всех девчонок падали трусики.

Он облизнул губы и почесал затылок.

– Ты та еще штучка.

– Я исследователь, Уилл. Если я на это пойду, мне надо понять, как мужчины думают, разобраться, что у них в голове.

Набрав побольше воздуха и пристально глядя на Уилла, я проговорила:

– Научи меня. Ты обещал брату, что поможешь мне, ну так сделай это.

– Как-то я сомневаюсь, что он имел в виду: «Эй, покажи-ка моей младшей сестренке город, убедись, что с нее не дерут втридорога за квартиру... и да, кстати, помоги ей затащить кого-нибудь в постель».

Тут, похоже, ему пришла на ум какая-то мысль. Он свел темные брови к переносице.

– Ты хочешь, чтобы я познакомил тебя с кем-то из своих друзей?

– О боже, нет!

Я даже не знала – то ли мне смеяться, то ли отыскать нору поглубже и спрятаться в ней до конца своих дней. Несмотря на его повышенную степень сексуальной боеготовности, я хотела, чтобы он научил меня кружить голову другим мужчинам. Может, тогда я наконец-то лишусь социальной невинности и стану нормальным членом общества.

– Мне надо, чтобы ты научил меня... – пожав плечами, я яростно почесала шевелюру под шапкой, – ...как встречаться с парнями. Объяснил мне правила.

Уилл заморгал с самым ошарашенным видом.

– «Правила»? Но я не... – он вздрогнул и, замолчав, поскреб подбородок. – Не уверен, что обладаю необходимой квалификацией для обучения знакомству с парнями.

– Ты учился в Йеле.

– Да, и что? С тех пор прошло много лет, Зиггс. И по-любому я не уверен, что это входит в список учебных программ.

– И ты играл в рок-группе, – продолжила я, пропустив мимо ушей последнюю фразу.

Наконец-то его глаза весело заискрились.

– К чему ты ведешь?

– Я веду к тому, что училась в Массачусетском технологическом и играла в «Подземелья драконов» и другие ролевки...

– Эй, я был чертовым профи в «Подземельях драконов», Зиггс.

– Суть в том, – продолжила я, не обращая на него внимания, – что у выпускника Йеля, игрока в лакросс и бывшего бас-гитариста может найтись парочка идей на тему того, как расширить любовное поле деятельности занудных ботаничек-очкариков.

– Ты сейчас надо мной смеешься?

Не отвечая, я скрестила руки на груди и принялась терпеливо ждать. Эту позу я усвоила в то время, когда меня отправляли проходить практику в нескольких лабораториях, чтобы выбрать тему исследования. Но я не собиралась посвятить бесполезным ротациям весь первый год учебы в магистратуре – напротив, я хотела сразу начать работать с Лиемаки. Именно так я стояла под дверью его офиса после того, как объяснила, почему его разработки идеально подходят для применения не только в области противовирусных вакцин, но и в паразитологии, а также изложила свой план диссертации. Я приготовилась стоять так несколько часов, но он сжалился всего через пять минут и, будучи деканом факультета, сделал для меня исключение.

Уилл смотрел куда-то вдаль. Неизвестно, обдумывал ли он мои слова или просто прикидывал, не продолжить ли пробежку, оставив меня задыхаться позади в снежной пыли.

Наконец, вздохнув, он заявил:

– Ладно. Первое правило более активной социальной жизни – до рассвета не звонить никому, кроме таксистов.

– Хорошо. Извини.

Окинув меня изучающим взглядом, Уилл кивнул на мой костюм.

– Мы будем бегать. Выходить в свет и всячески развлекаться.

Поморщившись, он неопределенно очертил рукой контуры моего тела.

– Не думаю, что тебе надо что-то сильно менять... но, черт, не знаю. Ты же носишь свитер своего брата, и он сидит на тебе как мешок. Поправь меня, если я ошибаюсь, но у меня создалось впечатление, что это твой обычный наряд, даже когда ты не выходишь на пробежку.

Пожав плечами, он добавил:

– Хотя, в общем-то, это даже мило.

– Я не собираюсь одеваться как шлюха.

– Тебе и не надо одеваться как шлюха.

Выпрямившись, Уилл взлохматил волосы, после чего снова заправил их под вязаную шапочку.

– Боже. Ну ты и фрукт. Ты знакома с Хлоей и Сарой?

Я покачала головой.

– Они что, из тех девушек, с которыми ты... скажем так, *не встречаешься*?

– Нет, черта с два, – рассмеялся он. – Они из тех девушек, которые крепко держат моих лучших друзей за яйца. Думаю, хорошо бы вас познакомить. Богом клянусь, к концу вечера вы станете лучшими подругами.

2

– Постой, – сказал Макс, выдвигая стул и усаживаясь. – Так эта та сестра Дженсена, которую ты трахал?

– Нет, то была другая сестра, Лив.

Я уселся напротив этого наглого англичанина, старательно игнорируя насмешливую улыбку на его губах. И все же что-то внутри неприятно сжалось.

– И я не трахал ее. Просто мы какое-то время тусовались вместе. Младшую сестру зовут Зигги. Когда я в первый раз приехал с Дженсеном к ним домой на Рождество, она была совсем ребенком.

– Все еще не могу поверить, что он привез тебя к себе на Рождество, а ты перепихнулся с его сестрой на заднем дворе. Я бы надрал тебе задницу.

Макс поразмыслил и, почесав подбородок, заявил:

– А, впрочем, и черт с ним. Мне бы было пофиг.

Глядя на него, я слегка улыбнулся.

– Когда через несколько лет я снова приехал к ним, Лив там уже не жила. И во второй раз я был паинькой.

Повсюду вокруг нас звенели бокалы и звучали приглушенные голоса. Эти обеды по вторникам в «Ле Бернардин» вошли в привычку у нашей компании. Обычно мы с Максом приходили последними, но сегодня, похоже, остальных задержали на совещании.

– Есть подозрение, что ты считаешь это достойным награды, – заявил Макс и, проглядев меню, резко его захлопнул.

Я не понимал, зачем моему компаньону вообще потребовалось открывать меню. На закуску он всегда брал икру, а на второе – рыбу. В последнее время я пришел к выводу, что всю свою спонтанность Макс тратит на Сару – а в еде и работе он стал ужасным консерватором.

– Ты просто забыл, как вел себя до появления Сары, – парировал я. – Хватит уже строить из себя монаха.

В ответ он подмигнул и расплылся в широкой улыбке.

– Ну так расскажи мне об этой малышке.

– Она младшая из пятерых детей Бергстремов и учится здесь в магистратуре Колумбийского университета. Всегда была чертовски умной. Получила первую степень за три года, а сейчас работает в лаборатории Лиемаки. Слышал о таком? Он занимается вакцинами.

Макс мотнул головой и пожал плечами с таким видом, словно спрашивал: «О чем ты вообще говоришь?»

Я продолжил:

– Это очень престижная исследовательская группа на медицинском факультете. Как бы то ни было, пока в прошлые выходные ты со своей киской прохлаждался в Вегасе, Дженсен сообщил мне смской, что приезжает к Ханне в гости. Думаю, он прочел ей пламенную проповедь насчет того, что нельзя гробить свою жизнь среди пробирок и колб.

Подошел официант, чтобы наполнить водой наши бокалы. Мы объяснили, что ждем еще нескольких человек, а затем Макс снова взглянул на меня.

– Так ты планируешь снова с ней встретиться, да?

– Да. Хочу пойти с ней куда-нибудь на выходных и что-нибудь замутить. Может, снова отправимся на пробежку.

От меня не ускользнуло, как широко распахнулись его глаза.

– Ты взял кого-то с собой на пробежку? Ну-ну. Сдается, для тебя это гораздо более интимная штука, чем секс, Уильям.

Я махнул рукой.

– Неважно.

– Значит, это было весело? Поговорить с младшей сестренкой Дженсена о старых временах и все такое?

Да, это было весело. Никакой бешеной страсти, ничего такого особенного – мы просто пробежались вместе. Но меня до сих пор слегка потряхивало от ее неожиданных выходов. Честно говоря, я думал, что у ее одиночества есть еще причины, помимо загруженности по учебе. Я ожидал, что она будет неловкой, или некрасивой, или типичной асоциальной личностью.

Но ничего такого в ней не было, и вдобавок Зигги совсем не походила на чью-то «младшую сестренку». Она казалась наивной и временами ляпала что-нибудь невпопад, но вообще-то просто много работала и застряла в кругу привычек, которые больше не доставляли ей удовольствия. И я вполне мог поставить себя на ее место.

Я впервые познакомился с Бергстремами на Рождество, на втором курсе колледжа. Мне не хватало денег, чтобы полететь домой. Мама Дженсена пришла в такой ужас, представив, как я в полном одиночестве торчу в опустевшей общаге, что прикатила из Бостона за два дня до Рождества и увезла меня к ним на каникулы. Бергстремы оказались настолько радушными и шумными, насколько можно ожидать от семейства с пятью детьми, появлявшимися на свет с регулярностью раз в два года.

В свойственной мне тогда манере я отблагодарил их, втайне полапав старшую дочку в сарае за домом.

Через несколько лет я проходил практику у Йохана и снова поселился у них. К тому времени часть детей уже жила отдельно, а кто-то остался на лето неподалеку от своего колледжа, так что со мной были только Дженсен и Зигги, младшая дочь Йохана. Их семейное гнездо стало для меня вторым домом. И все же, хотя я прожил рядом с Зигги три месяца и видел ее пару лет назад на свадьбе Дженсена, вчера, после ее звонка, я едва вспомнил, как она выглядит.

Но после встречи в парке на меня нахлынуло множество воспоминаний – я понятия не имел, что в голове столько всего отложилось. Вот двенадцатилетняя Зигги, прятавшая веснушчатый нос за страницами книг. Во время обеда она изредка посылала мне застенчивую улыбку через стол, но в остальном избегала меня. В любом случае в свои девятнадцать лет я почти не обращал на нее внимания. Затем я вспомнил шестнадцатилетнюю Зигги, длинноногую, угловатую, с взлохмаченными волосами, каскадом падавшими на спину. После обеда она, нарядившись в короткие шортики и майку, валялась на одеяле на заднем дворе и читала, а я работал с ее отцом. Я пялился на нее, как пялился в то время на любую женщину, словно сканируя и занося в книгу наблюдений все части тела. Девочка была фигуристая, но тихоня и настолько неопытная в искусстве флирта, что заслужила разве что насмешливое пренебрежение. В те годы я был полон любопытства и огня и окружен массой женщин, постарше и помоложе, готовых раз в жизни попробовать все что угодно.

Но сегодня у меня в голове как будто взорвалась бомба. Странно, но, увидев лицо Зигги, я почувствовал себя так, словно вновь оказался дома и одновременно словно впервые встретился с очаровательной девушкой. Она была совсем не похожа на Лив или Дженсена, долговязых, светловолосых и сделанных почти под копирку. Зигги больше походила на отца, к лучшему или к худшему. В ней парадоксально сочетались длинные руки и ноги Бергстрема-старшего и пышные формы матери. Она унаследовала серые глаза, светло-каштановые волосы и веснушки Йохана, но широкая, открытая улыбка досталась ей от мамы.

Когда Зигги шагнула вперед, обвила мою шею руками и крепко обняла, я ненадолго впал в ступор. Непринужденный жест, граничащий с интимностью. Не считая Хлои и Сары, в моей жизни было не так уж много женщин, которых я мог бы назвать друзьями. Когда я обнимал женщину вот так, сильно прижимая к себе, у этого обычно имелся сексуальный подтекст. Зигги всегда была для меня младшей сестренкой, но сейчас, сжимая ее в объятиях, я весьма недву-

смысленно ощутил, что она больше не ребенок, а женщина двадцати с лишним лет, чьи теплые руки лежат на моей шее, а тело приникло к моему. От нее пахло шампунем и кофе. От нее пахло *женщиной*, и сквозь мешковатый свитер и тоненькую куртку я почувствовал форму ее груди, прижавшейся к моей. Когда Зигги шагнула назад и оглядела меня, она немедленно мне понравилась. Сестренка Дженсена не стала специально наряжаться для встречи: ни макияжа, ни дорогого спортивного костюма. На ней был университетский свитер ее брата с эмблемой Йеля, коротковатые черные брюки и ботинки, явно выдавшие лучшие времена. Она не пыталась произвести на меня впечатление – ей просто хотелось повидаться со мной.

«Зигги такая замкнутая, приятель, – сказал мне Дженсен, когда позвонил примерно неделю назад. – Мне постоянно кажется, что я подвел ее, но откуда мне было знать, что ей достанутся гены нашего папаши-трудоголика? Мы хотим навестить ее, а я все еще не представляю, как к этому подступиться».

К столу подошли Сара с Беннеттом, и, моргнув, я вернулся к реальности. Макс встал, чтобы поприветствовать их. Мне пришлось деликатно отвернуться, когда он, наклонившись, поцеловал Сару прямо за ушком и шепнул:

– Прекрасно выглядишь, Лепесточек.

– Будем ждать Хлою? – спросил я, когда все наконец уселись.

Не отрываясь от меню, Беннетт ответил:

– Она до пятницы в Бостоне.

– Слава тебе господи, – сказал Макс. – Я умираю с голоду, а эта женщина способна возиться с заказом целую вечность.

Беннетт, негромко рассмеявшись, положил меню на стол.

Я тоже почувствовал облегчение – не потому, что так проголодался, а потому, что иногда приятно было отдохнуть от роли пятого колеса в телеге. Эти две парочки так и лучились самодовольством и уже давно перешагнули черту под названием «Чрезмерное вмешательство в личную жизнь Уилла». Они были твердо убеждены, что некая женщина мечты вот-вот завладеет моим сердцем, и с нетерпением ждали спектакля.

Вдобавок я сам недавно подкинул угольков. Вернувшись на прошлой неделе из Вегаса, я имел глупость упомянуть, что мне начали надоедать две мои постоянные любовницы: Китти и Кристи. Обе женщины с радостью соглашались на секс без обязательств и спокойно относились к присутствию соперницы и к моим коротким связям на стороне, но в последнее время я чувствовал, что наши отношения становятся чисто механическими.

Раздеться,
поласкать друг друга,
потрахать,
дойти до оргазма,
(возможно, немного потрепаться на отвлеченные темы),
поцеловаться и пожелать друг другу доброй ночи,
разойтись.

Может, все стало слишком просто? Или я в самом деле наконец-то начал уставать от секса только ради секса?

И какого хрена я снова думал об этом здесь и сейчас? Выпрямившись, я потер ладонями лицо. За день ничего в моей жизни не изменилось. Я приятно провел утро с Зигги, вот и все. И ничего больше. То, что она оказалась обезоруживающе искренней, забавной и на удивление симпатичной, не должно было так меня потрясти.

– Так что мы обсуждаем? – спросил Беннетт и поблагодарил официанта, поставившего перед ним на стол бокал.

– Мы обсуждаем воссоединение Уилла со старым другом, которое произошло этим утром, – сказал Макс, а затем добавил заговорщицким шепотом: – ...точнее, с подругой.

Сара рассмеялась.

– Уилл встречался сегодня утром с женщиной? Тоже мне новости.

Беннетт поднял руку.

– Постой, разве сегодня ночью не очередь Китти? А ты еще и утром успел на свидание?

Глотнув из бокала, он поглядел на меня.

Вообще-то именно из-за Китти я предложил Ханне встретиться утром, а не вечером: Китти и была той самой поздней встречей. Но чем больше я думал об этом, тем меньше и меньше меня привлекала идея провести вторник как обычно.

Я застонал, и Макс с Сарой тут же расхохотались.

– Не странно ли то, что все мы в курсе Еженедельного Секс-Расписания Уилла? – поинтересовалась Сара.

Макс взглянул на меня со смехом в глазах.

– Подумываешь о том, чтобы отменить свидание с Китти? И прикидываешь, не придется ли за это расплачиваться?

– Возможно, – согласился я.

Мы с Китти встречались несколькими годами раньше, а когда выяснилось, что она ожидает от этих отношений большего, чем я, расстались друзьями. Но когда мы снова пересеклись в баре несколько месяцев назад, она заявила, что на сей раз хочет просто поразвлечься. Разумеется, я согласился. Китти была хороша собой и готова выполнять почти любые мои прихоти. Она упорно твердила, что наши отношения без обязательств ее устраивают, устраивают, устраивают. К сожалению, оба мы знали, что это неправда: каждый раз, когда я переносил встречу, Китти чувствовала себя неуверенно, а во время следующего свидания слишком цеплялась за меня.

Кристи была почти полной ее противоположностью. Она вела себя более сдержанно, любила, когда ей запихивают в рот кляп, – этого пристрастия я не разделял, но не прочь был ей услужить – и редко оставалась у меня после того, как мы совместно достигали оргазма.

– Если эта новая девушка тебя заинтересовала, может, тебе следует порвать с Китти? – заметила Сара.

– Ребята, – возмутился я, набрасываясь на свой салат, – у нас с Зигги ничего не было. Мы просто пробежались вместе.

– Тогда почему мы все еще это обсуждаем? – со смехом спросил Беннетт.

Я кивнул.

– Точно.

Но на самом деле мы обсуждали это, потому что я нервничал, а когда я нервничаю, мое состояние заметно издалека, словно неоновая вывеска. Брови у меня сходятся к переносице, глаза темнеют, а речь становится отрывистой. Короче, я превращаюсь в кретина.

А Максу это очень нравится.

– О, мы обсуждаем это, – заявил англичанин, – потому что данная тема бесит нашего Уилла, а бесить Уилла – мое любимое, дери его за ногу, занятие. Также весьма любопытно было наблюдать, в какую задумчивость он впал после утра, проведенного с младшей сестричкой. Обычно по Уиллу не скажешь, что он склонен к тяжким раздумьям.

– Она младшая сестра Дженсена, – объяснил я Саре и Беннетту.

– Он пошалил со старшей сестрой, когда оба были подростками, – услужливо добавил Макс, для достижения большего драматического эффекта усиливая свой британский акцент.

– Ты чертов провокатор, – расхохотался я.

Эпизод с Лив был очень кратким – я мало что запомнил, кроме жарких поцелуев и легкого расставания с ней перед возвращением в Нью-Хейвен. По сравнению с другими моими интрижками тех времен отношения с Лив были практически невинны.

Нам принесли первое, и мы ненадолго замолчали, занявшись едой. Я снова впал в задумчивость. Через какое-то время после начала пробежки я сдался и принялся откровенно разглядывать Зигги. Я пялился на ее губы, щеки, мягкие волосы, выбившиеся из не слишком аккуратного пучка и свободно спадавшие на нежную шею. Я никогда не скрывал, что заглядываюсь на женщин, но меня привлекала отнюдь не каждая встречающаяся. Так что же все-таки в ней было? Хорошенькое личико, но, определенно, не самое красивое из тех, что я видел. Зигги была на семь лет младше меня, совершенно желторотая и вдобавок вкалывала без продыха. Разве могла она дать мне что-то, чего я не мог получить от других?

Оглянувшись, она подловила меня; энергия между нами была физически ощутима и совершенно обескураживала. Но затем Зигги улыбнулась, и все ее лицо осветилось. Она казалась открытой, как дверь на террасу в летние месяцы, и, несмотря на холод, я ощутил разлившееся по телу тепло. Это был забытый, но издавна знакомый голод. Желание, которого я не чувствовал уже целую вечность, когда в крови бушует адреналин и хочется стать тем единственным, кто раскроет все секреты девушки. Кожа Зигги казалась такой нежной, губы такими пухлыми и мягкими, а шея выглядела так, словно ее никогда не пятнали следы зубов или засосы. Зверю внутри меня не терпелось поближе взглянуть на ее руки, ее рот и грудь.

Я поднял голову, почувствовав взгляд Макса. Тот жевал, взирая на меня с самым задумчивым видом.

Подняв вилку, британец ткнул ею в мою сторону.

– Все, что требуется, – это одна ночь с той самой девушкой. И я не говорю о сексе. Одна ночь может изменить вас, молодой че...

– Заткнись! – прорычал я. – Ты сейчас ведешь себя как гребанный придурок.

Беннетт, выпрямившись, включился в беседу.

– Суть в том, чтобы найти женщину, которая заставит тебя думать. После встречи с ней ты станешь смотреть на все по-другому.

Я примирительно вскинул руки.

– Прекрасная мысль, парни. Но Зигги – действительно не мой тип.

– Твой тип? Это разве не все, что движется и имеет вагину? – невинно поинтересовался Макс.

Я рассмеялся.

– Думаю, она просто слишком молода.

Парни понимающе замычали, но я заметил, что Сара продолжает смотреть на меня.

– Все, хватит! – взмолился я.

– Ну, по-моему, ты просто еще не нашел ту, которая заставит тебя пожелать большего. Ты выбираешь женщин определенного типа, они вписываются в твой распорядок, твои правила, твои границы. Разве тебе еще не надоело? Ты говоришь, что эта сестренка...

– Зигги, – вставил Макс.

– Точно. Ты говоришь, что Зигги – не твой тип, а на прошлой неделе упомянул, что теряешь интерес к женщинам, готовым радостно трахаться с тобой без малейших обязательств.

Подцепив кусок, Сара пожала плечами и поднесла вилку ко рту.

– Может, тебе стоит провести переоценку своего «типа»?

– Нелогично. Может, я и теряю интерес к своим любовницам, но это еще не значит, что надо перестраивать всю систему, – ответил я, продолжая ковыряться в тарелке. – Хотя вообще-то я собирался попросить тебя об одолжении.

Прожевав, Сара кивнула:

– Разумеется.

– Я надеялся, что вы с Хлоей сводите ее куда-нибудь. У нее здесь нет настоящих друзей, а вы, девчонки...

– Разумеется, – быстро повторила она. – Мне не терпится познакомиться с ней.

Тут я краем глаза взглянул на Макса и ничуть не удивился, обнаружив, что он прикусил губу и выглядит точь-в-точь как кот, полакомившийся канарейкой. Но, должно быть, Сара усвоила пару-тройку приемчиков Хлои и под столом крепко держала его за яйца, потому что вел он себя необычайно смирно.

«Ты никогда не думал, что люди, которые больше всего для нас значат, – вовсе не те, кого мы видим каждый день? В последнее время я чувствую, что растрачиваю себя по пустякам».

Когда Зигги произнесла это, ее голос и широко распахнутые искренние глаза одновременно наполнили и опустошили меня – чувство оказалось таким сильным, что я даже не мог понять, удовольствие оно приносит или боль.

Зигги хотела, чтобы я научил ее развлекаться и ходить на свидания, показал, как встречаться с интересными ей людьми... но, по сути, я не делал этого сам. Может, я и не торчал у себя в квартире один-одинешенек, но это не значило, что я был счастлив.

Извинившись, я вышел в уборную, вытащил из кармана мобильник и, набрав сообщение, отправил на тот номер, что она мне оставила.

«Еще не передумала насчет “проекта Зигги”? Если да, я в деле. Завтра пробежка, есть планы на выходные. Не опаздывай».

Пару секунд я таращился на экран, но Зигги сразу не ответила, так что я вернулся к обеду и друзьям.

Однако позже, уже выйдя из ресторана, я заметил одно новое сообщение. Рассмеявшись, я вспомнил, как Зигги говорила о своем старом мобильнике-раскладушке, который почти не использовала.

«СупЗер! Янемогунайтипробел=нопозвонитебе»

Учитывая сумасшедший рабочий график Зигги, Хлои и Сары, эта троица так и не сумела встретиться до выходных. Но, слава богу, в конце концов им это удалось, потому что, глядя каждое утро, как Зигги бежит, скрестив руки на груди, – я уже начинал чувствовать, что и у меня болят сиськи.

В субботу после обеда я, задыхаясь после шестимильной пробежки и изнывая от голода, вполз в «Блу Смок». Макс уже сидел там за столиком. Как и всегда в этой компании, план составили без моего участия, так что утром меня разбудила смска от Хлои. В ней говорилось, что я должен подбросить к ним Зигги, после чего девочки втроем отправятся позавтракать и за покупками. Это означало, что впервые за несколько дней мне предстоит пробежаться в одиночестве.

Это было нормально. И даже хорошо. Хотя пробежка и показалась мне непривычно тихой и скучной, но Зигги было необходимо выбраться в свет и прикупить пару вещей. Ей нужны были кеды. Спортивная одежда. Возможно, ей даже следовало смириться и обзавестись новым гардеробом, если она серьезно намеревалась ходить на свидания. Ведь большинство парней – совершенно поверхностные личности и судят о девушках по первому впечатлению. В вопросе гардероба Зигги не особенно преуспела, и все же какая-то часть меня не хотела давить на нее слишком сильно. Мне нравилось смотреть на нарядно одетых женщин, но странным образом в Зигги как раз интриговало то, что внешность мало ее заботила. По-моему, лучше было оставить все как есть.

Даже не поднимая головы, Макс убрал с моего стула пачку газет и помахал официантке, чтобы она подошла и приняла заказ.

– Воды, – сказал я, промокая лоб бумажной салфеткой. – И, может, еще немного арахиса. Чуть позже я закажу обед.

Макс окинул критическим взглядом мою одежду и, протянув мне деловой раздел «Таймс», вернулся к своей газете.

– Разве ты утром не пошел с девчонками? – спросил он.

Я поблагодарил официантку, поставившую на стол передо мной стакан, и сделал щедрый глоток.

– Я просто подвез Зиггс. У меня были сомнения, что она способна ориентироваться за стенами кампуса Колумбийского университета.

– Да ты просто заботливая наседка.

– А, ну раз так, я заботливо извещаю тебя, что Сара случайно смснула фотку своей задницы Беннетту.

Больше всего на свете я любил подкалывать Макса насчет их с Сарой извращенного увлечения фотографиями.

Приятель быстро бросил на меня взгляд поверх газеты, но тут же расслабился, заметив, что я шучу.

– Ну ты и треплю, – проворчал он.

Я пару минут полистал деловой раздел, после чего переключился на науку и технологию. У Макса, по-прежнему прятавшегося за стеной из газетной страницы, зазвонил телефон.

– Привет, Хло.

Замолчав, он положил газету на стол.

– Нет, здесь только мы с Уиллом, собираемся перекусить. Может, Бен на пробежке?

Затем, кивнув, Макс передал телефон мне.

Удивившись, я взял трубку.

– Эй... все в порядке?

– Ханна просто очаровательна, – заявила Хлоя. – Она не покупала новых вещей со времен колледжа. Клянусь, что мы не носимся с ней, как с куклой, но она самая миленькая девчушка на свете. Почему ты не приводил ее раньше?

У меня свело живот. Хлои не было за тем обедом, когда мы обсуждали Зиггс.

– Ты ведь в курсе, что она не моя девушка, так?

– Я в курсе, что вы просто трахаетесь, или как ты там это называешь, Уилл...

Я попытался было вмешаться, но она продолжала:

– ...только хотела дать знать, что у нас все в порядке. Но похоже, она потерялась бы в «Мейсис», если бы мы за ней не следили.

– Именно об этом я и говорил.

– Ну ладно, у меня все. Просто хотела спросить у Макса, не знает ли он, куда подевался Беннетт. Нас ждут покупки.

– Подожди, – выпалил я, даже не подумав, о чем собираюсь просить.

Закрыв глаза, я представил наши с Зигги пробежки в последние несколько дней. При довольно стройной фигурке спереди у нее было на что посмотреть.

– Хм?

– Если вы сейчас в магазине, проследи, чтобы Зигги купила...

Прежде чем продолжить, я кинул взгляд на Макса и, только убедившись, что он целиком поглощен газетой, прошептал:

– Проследи, чтобы она купила пару лифчиков. Ну, для бега. Но, может... и пару обычных тоже. Ладно?

Молчание на том конце линии я, скорее, почувствовал, чем услышал. Оно было свинцовым, давящим, и чувство неловкости усиливалось с каждой секундой. Усиливалось и усиливалось. Когда я решился поднять голову, то обнаружил, что Макс пялится на меня, лыбясь от уха до уха.

– Тебе очень повезло, что ты не ляпнул это Беннетту, – в конце концов заявила Хлоя. – Он бы просто смешал тебя с грязью.

– Не волнуйся, здесь сидит Макс, и я уже вижу, что он ловит кайф за них обоих.

Хлоя рассмеялась.

– Ладно, заказ принят. Лифчики для поддержки пышной груди твоей «не-девушки». Боже, ну ты и свинья.

– Благодарю.

Хлоя отключилась. Стараясь не смотреть Макс в глаза, я передал ему телефон.

– Ах, Виктория, – с идиотским весельем проворковал он, – у тебя завелся секрет²? Тайная страстишка помогать женщинам в выборе нижнего белья?

– Отвали, – фыркнул я.

У Макса был такой вид, словно «Лидс Юнайтед» только что выиграл долбаный кубок мира.

– Она бегает со мной по утрам, и на ней этот... неважно. Что бы это ни было, но не спортивный лифчик. И от него у нее...

Тут я ткнул пальцем себе в грудь.

– Это странная штука, как будто у женщины четыре сиськи. Я просто подумал, что если они уже отправились за покупками...

Подперев кулаком подбородок, Макс улыбнулся мне:

– Уильям, боже, ты просто нечто.

– Ты ведь знаешь, как я отношусь к женской груди. Это не тема для шуток.

Я не стал добавлять, что у Зигги с грудью все было более чем в порядке.

– В самом деле, – сказал Макс, вновь поднимая газету, – мне просто нравится, как ты изображаешь, будто не обкончал бы штаны при виде девушки с четырьмя сиськами.

Примерно полчаса спустя дверь за спиной Макса распахнулась. Подняв голову, я увидел, как клубок блестящих волос и сумок с покупками, слегка кренясь набок, устремляется к нашему столику. Мы с Максом встали и помогли Зигги выгрузить добычу на один из стульев.

На ней был бледно-голубой свитер, темные узкие джинсы и зеленые балетки. Не дива, спустившаяся прямиком с подиума, однако Зиггс выглядела стильно, и, похоже, ей было удобно. А ее прическа... изменилась. Пока Зиггс снимала сумку, я прищурился, внимательно изучая результат. Может, она подстригла волосы, или просто они были распущены, а не собраны в ее фирменный расхристанный пучок на затылке. Темные, прямые и густые пряди спускались гораздо ниже плеч. И все же, к счастью, несмотря на перемены в одежде и прическе, она выглядела прежней Зигги: минимум макияжа, яркая улыбка и симпатичные веснушки.

Улыбаясь, она протянула руку Макс:

– Я Ханна. А вы, должно быть, Макс.

Сжав ее ладонь, он ответил:

– Рад знакомству. Надеюсь, вы приятно провели утро в обществе двух буйнопомешанных дам?

– Да.

Развернувшись ко мне, она снова сграбастала меня за шею. Когда Зигги обняла меня, я едва сдержал стон. Ее объятия мне нравились и одновременно дико раздражали. Они были крепкими, почти удушающими, но удивительно теплыми.

Отпустив меня, Зигги плюхнулась на стул.

– Хлоя, однако, равнодушна к нижнему белью. По-моему, только в этом отделе мы проторчали не меньше часа.

– Почему я не удивлен? – проворчал я, снова усаживаясь за стол и украдкой разглядывая грудь Зигги.

Ее близняшки выглядели потрясающе – пышные и высокие. Точно там, где им следовало быть. Вероятно, себе она тоже прикупила что-то из белья.

² Намек на известный бренд Victoria's Secret. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

– На этой торжественной ноте я с вами прощаюсь, – сказал Макс, вставая и засовывая кошелек в задний карман. – Думаю, мне пора отыскать Лепесточек и проверить, как ее успехи с покупками. Рад был познакомиться, Ханна.

Он потрепал меня по плечу и подмигнул Зигги.

– Приятно вам отобедать.

Зигги помахала Максу, а затем, широко распахнув глаза, обернулась ко мне.

– Вау. Он... впечатляет. А утром я видела Беннетта. Вы, ребята, словно Клуб Горячих Парней Манхэттена.

– Вряд ли дело в этом. И, по-любому, неужели ты думаешь, что мы допустили бы Макса в свои ряды? – ухмыльнулся я. – Кстати, прекрасно выглядишь.

Зигги бросила на меня удивленный взгляд, и я быстро добавил:

– Хорошо, что ты не позволила им истратить на тебя тонну штукатурки. Мне бы не хватало твоих веснушек.

– Тебе бы не хватало моих веснушек? – шепнула она, и я внутренне содрогнулся оттого, насколько откровенно прозвучали мои слова. – Что это еще за намеки? Ты что, хочешь, чтобы я прямо сейчас кончила?

Ничего себе. Мое высказывание больше не казалось мне слишком откровенным. Я изо всех сил старался не пялиться на грудь Зигги, когда она это брякнула. Мне еще надо было привыкнуть к этой ее особенности – что на уме, то и на языке. Покосившись на сумки с покупками, я мягко сменил тему:

– Я... э-э, похоже, ты купила много пар спортивной обуви.

Нагнувшись, она зарылась в пакет. Я поспешно перевел взгляд на потолок, стараясь не обращать внимания на открывшуюся панораму ее выреза.

– Кажется, я скупил весь магазин, – сообщила Зигги. – Никогда еще так рьяно не занималась шопингом. Когда Лив услышит, она, наверное, откупорит бутылку шампанского.

Опустив наконец-то глаза, я обнаружил, что Зигги пристально рассматривает мое лицо, шею и грудь, как будто видя меня впервые.

– Ты сегодня утром бегал?

– И проехался на велосипеде.

– Ты такой дисциплинированный.

Подперев подбородок руками, она подалась вперед и захлопала ресницами, по-прежнему глядя на меня.

– Идет на пользу твоим мышцам.

Рассмеявшись, я ответил:

– Это меня успокаивает. Удерживает от...

Я замолчал, подыскивая слова и чувствуя, как краснеет шея.

– ...от глупостей.

– Вообще-то ты собирался сказать что-то другое, – заметила она, выпрямляясь. – Это удерживает тебя... от чего? Помогает не лезть в барные драки? Выпускать пар?

Я решил устроить ей небольшое испытание. Не знаю, зачем мне это понадобилось, но ее дикая смесь наивности и развязности неизменно меня поражала. Кружила голову и подбивала на авантюры.

– Удерживает от желания беспрерывно трахаться.

Зигги не смутилась ни на секунду.

– А с чего бы тебе заменять секс бегом?

Склонив голову и окинув меня изучающим взглядом, она добавила:

– К тому же тренировки увеличивают уровень тестостерона и улучшают циркуляцию крови. Так что, скорее, спорт помогает тебе лучше трахаться.

Наша беседа начала принимать опасный оборот. Задерживать взгляд на Зигги было слишком заманчиво, и она ничуть не стеснялась такого пристального внимания. Наоборот, отвечала не менее откровенным взглядом.

– Не знаю, зачем сказал тебе это, – выдавил я.

– Уилл. Я не девственница и в трусы к тебе залезть не пытаюсь. Мы можем обсуждать секс.

– Хм-м, не уверен, что это хорошая идея.

Подняв стакан к губам, я глотнул сока, не отрывая глаз от Зигги. Она тоже отпила воды, глядя на меня. Что, она в самом деле не пыталась залезть ко мне в трусы? Даже и мысли такой не было?

Казалось, воздух между нами тихонько гудит. Мне захотелось протянуть руку и провести пальцем по нижней губе Зигги. Вместо этого я опустил на стол стакан с соком и сжал кулаки.

– Я просто о том, – сказала она, – что не надо со мной нянчиться. Мне нравится, что ты не из тех парней, которые выражаются обиняками.

– А ты всегда говоришь так прямо? – спросил я.

Зигги покачала головой.

– Думаю, это что-то специфически связанное с тобой. Я всегда много ляпаю невпопад, но почему-то рядом с тобой я чувствую себя особенно глупо и никак не могу заткнуться.

– Я не хочу, чтобы ты затыкалась.

– Ты всегда был настолько сексуальным и никогда этого не скрывал. Такой заводной игрок, не стесняющийся наслаждаться женщинами. Если я заметила это в двенадцать, значит, не заметить было сложно. Секс – это естественно. Это присуще нашим телам. И мне нравится, что ты – это ты.

Я не ответил, потому что не знал, что сказать. Ей нравилось во мне то, что другие женщины всегда старались сгладить, но при этом я не был уверен, что доволен первым впечатлением, произведенным на нее.

– Хлоя сказала, что ты попросил их отвести меня в магазин нижнего белья и подобрать лифчики.

Я поднял голову, застыв Зигги как раз в тот момент, когда она отводила взгляд от моих губ. Ее усмешка превратилась в игривую улыбку.

– Ты так заботлив, Уилл. Очень мило, что ты подумал о моих сиськах.

Нагнувшись над столом, я впился зубами в сэндвич и пробормотал:

– Нам не обязательно обсуждать это. Макс уже успел вдоволь покуражиться надо мной.

– Ты загадочный мужчина, игрок Уилл.

Она просмотрела меню и положила его обратно на стол.

– Но так и быть. Я сменю тему. Что же мы должны обсуждать?

Глядя на нее, я сглотнул. Сложно было представить это юное, диковатое создание в обществе наших взыскательных и уравновешенных дам.

– То, что ты сегодня обсуждала с девочками, – предложил я.

– Ну, мы с Сарой очень мило поболтали о том, как при долгом отсутствии секса ты практически вновь обретаешь девственность.

Чуть не подавившись, я громко закашлялся.

– Ого. Это... я даже не знаю, что сказать.

Зигги насмешливо смотрела на меня.

– Нет, в самом деле. Я уверена, что у парней все не так. Но у девушек через какое-то время... девственность словно бы восстанавливается. Что-то вроде мха, которым обрастает пещера.

– Ну и мерзкая же картина.

Не обращая на меня внимания, она выпрямилась с самым оживленным видом.

– Вообще-то это идеально. Ты ученый, так что в состоянии оценить выдвинутую мною теорию.

Я прижался к спинке стула.

– Ты закончила на сравнении со мхом, затянувшим пещеру. Если честно, я немного напуган.

– И зря. Ты ведь в курсе, что девичья невинность считается как бы священной?

Я рассмеялся.

– Да. Слышал о такой концепции.

Сморщив веснушчатый нос, Зигги почесала голову.

– Моя теория состоит в следующем: вновь наступает время пещерных людей. Всем хочется почитать о парне, который связывает свою девушку или впадает в ярость от ревности, если – боже упаси – она надевает что-то сексуальное за пределами спальни. И женщинам это вроде бы нравится, так? Ну вот, я считаю, что следующим веянием моды будет восстановление девственности. Каждой девушке хочется, чтобы ее парень чувствовал себя так, будто он у нее первый. И как, по-твоему, женщинам этого добиться?

Пока Зигги ждала от меня ответа, искорки в ее глазах разгорались все ярче. От ее прямоты, ее искреннего увлечения темой перехватывало дыхание.

– Э-э, с помощью лжи? Женщины всегда полагают, что мужской член обучен азбуке Брайля. Что за фигня? Честно говоря, я бы, может, и не заметил, что имею дело с девственницей, если бы она не...

– Вероятно, в первую очередь с помощью хирургии. Назовем это «восстановлением девственной плевы».

Уронив кусок, я простонал:

– Боже правый, Зиггс. Я тут ем сэндвич с грудинкой. Ты не могла бы подождать с обсуждением плевы до...

– А затем, – она забарабанила ладонями по столу, подходя к кульминации, – все ждут, на что окажутся способны стволовые клетки. Но повреждения позвоночника, болезнь Паркинсона... не думаю, что они начнут с этого. Ты знаешь, что станет первой большой сенсацией?

– Не могу дожидаться ответа, – уныло пробормотал я.

– Готова поспорить, что это будет восстановление непорочности.

Я снова громко закашлялся.

– Боже мой. «Непорочности»?

– Ты же запретил мне говорить о плеве, так что... Но разве я не права?

Прежде чем я успел признать, что ее теория кажется мне довольно стройной, Зигги понеслась дальше.

– На это тратят невероятное количество денег. Виагра для того, чтобы поднять член. Четыреста разных видов фальшивых сисек. Какой наполнитель больше похож на натуральный? Это мужской мир, Уилл. Женщины и не задумаются, если вы решите поместить в их вагину *активно делящиеся клетки*. В следующем году одна из твоих «не-девушек» вернет себе девственность и подарит ее тебе, Уилл.

Нагнувшись, она взяла в рот трубочку и потянула. Ее серые глаза смотрели прямо на меня. Под этим долгим, соблазнительным взглядом мой член слегка напрягся. Выпустив трубочку, Зигги шепнула:

– Тебе, Уилл. И сможешь ли ты осознать, какой это подарок? Какая жертва?

В ее глазах забегали чертики, а в следующую секунду она откинула голову и оглушительно расхохоталась. Срань господня, мне нравилась эта девушка. Очень нравилась.

Я поставил локти на стол и подался вперед, прочистив горло.

– Зигги, выслушай меня внимательно, поскольку это важно. Я готов поделиться с тобой мудростью.

Она села прямее, заговорщицки прищутив глаза.

– Мы уже прошли правило номер один: никогда не звонить никому до рассвета.

Ее губы изогнулись в легкой виноватой улыбке.

– Верно. Это я усвоила.

– И правило номер два, – сказал я, медленно покачав головой. – Никогда не обсуждай восстановление девственной плевы за обедом. А лучше вообще никогда.

Зигги захихикала, а потом отодвинулась в сторону, когда официантка принесла ее заказ.

– Не спеши насмехаться. Это идея на миллиард долларов, финансовый воротила. Если в скором времени она ляжет тебе на стол, сможешь поблагодарить меня за своевременное предупреждение.

Она занялась салатом, сразу отправив в рот огромную порцию. Я старался не пялиться на нее. Зигги так отличалась от всех знакомых мне девушек. Она была хорошенькой – и даже красивой, – но не притворялась и не сдерживалась. Она была глупенькой, самоуверенной и такой оригинальной, что на ее фоне весь остальной мир выглядел серым. Не знаю, насколько серьезно она относилась к себе, но уж точно не ожидала серьезного отношения от меня.

– Какая у тебя любимая книга? – спросил я, не понимая, откуда выскочил этот вопрос.

Она втянула в рот нижнюю губу, и мне пришлось срочно переключиться на сэндвич. Потупив глаза, я принялся объедать маленькие кусочки поджаристого мяса с краю.

– Боюсь, это прозвучит слишком банально.

– Сильно в этом сомневаюсь, но давай, удиви меня.

Наклонившись вперед, Зигги прошептала:

– «Краткая история времени».

– Хокинг?

– Разумеется, – ответила она почти с оскорбленным видом.

– Это не банально. Банальностью было бы, если бы ты сказала «Грозовой перевал» или «Маленькие женщины».

– Потому что я женщина? А если бы я спросила тебя и ты назвал Хокинга, это было бы банально?

Я поразмыслил над этим. Представил, как говорю, что это моя любимая книга, и слышу в ответ от своих друзей по университету: «Чувак, ну кто бы сомневался».

– Возможно.

– Ага, значит, для тебя это банальность, а для меня нет – и только потому, что у меня есть вагина? Что за чушь! Но в любом случае, – сказала она, пожимая плечами и закидывая в рот листик салата, – я прочла ее, когда мне было двенадцать, и...

– Двенадцать?

– Да, и от нее у меня просто крышу снесло. Меня поразило не столько то, о чем говорил Хокинг, – думаю, тогда я поняла далеко не все, – сколько то, как он думал. То, что на свете существовали люди, посвятившие всю жизнь таким исследованиям. Это открыло мне целый новый мир.

Зигги неожиданно зажмурилась, глубоко вздохнула и затем вновь открыла глаза, чуть виновато улыбаясь.

– От моей болтовни у тебя уже, наверное, уши вянут.

– Да, но в последнее время это происходит регулярно.

Слегка подмигнув, она наклонилась вперед и прошептала:

– Но, может, тебе это даже нравится?

В голову мне произвольно хлынули фантазии: ее шея напряжена, рот открыт в хриплой мольбе, пока я провожу языком от ямочки на ее шее до подбородка. Я представил, как ее ногти впиваются в мои плечи, и меня пронзает острая боль... моргнув, я вскочил так поспешно, что

отлетевший стул ударился о стул позади. Я попросил прощения у сидевшего на нем мужчины, извинился перед Зигги и почти галопом понесся в туалет.

Заперев за собой дверь, я крутанулся на месте и уставился на свое отражение в зеркале.

– Что за хрень это была, Самнер?

Нагнувшись, я плеснул пригоршню холодной воды в лицо. Затем, вцепившись пальцами в край раковины, я снова встретился взглядом со своим отражением в зеркале.

– Это была просто картинка. Ничего особенного. Она милая девочка. Хорошенькая. Но пункт первый: она сестра Дженсена. Пункт второй: она сестра Лив, которую ты практически целиком облапал в сарае, когда ей было всего семнадцать. Думаю, ты уже обналичил свою единственную карту на Интрижку-с-Сестрицей-Бергстрем...

Наклонив голову, я глубоко вздохнул и продолжил:

– И пункт третий: ты слишком часто оказываешься рядом с ней в трениках, чтобы у нее остались какие-то иллюзии насчет твоих сексуальных фантазий. Прикрути кран. Отправляйся домой, позвони Китти или Кристи, пусть они тебе отсосут – и хватит на сегодня.

Когда я вернулся к столику, Зигги уже почти расправилась со своим салатом и глазела на прохожих, шагающих по тротуару. Но стоило мне усесться, как она перевела на меня озабоченный взгляд.

– Проблемы с желудком?

– Что? Нет, нет. Мне надо было сделать срочный звонок.

Черт. Прозвучало это на редкость тупо. Передернувшись, я вздохнул.

– Вообще-то мне пора идти, Зиггс. Я уже просидел тут пару часов, а на сегодняшний день у меня еще есть планы.

Проклятье. Это прозвучало еще тупее.

Зигги вытащила кошелек из сумочки и положила на стол несколько пятидолларовых купюр.

– Конечно. Боже, у меня тоже куча дел. Большое спасибо, что посидел со мной. И большое спасибо за то, что познакомил с Хлоей и Сарой.

Еще раз улыбнувшись мне, она встала, перекинула сумку через плечо, собрала пакеты с покупками и направилась к двери.

Ее рыжеватые волосы блестели и спадали почти до талии. Осанка была прямой, походка уверенной. А задница в этих джинсах выглядела просто потрясающе.

Матерь божья, Уилл. Ну ты и влип.

3

Если говорить о ситуации с пробежками, то легче не становилось.

– Станет легче, – настаивал Уилл, глядя на меня сверху вниз, когда я хныкающей тушкой плюхнулась на землю. – Потерпи.

Я выдрала пару стеблей побуревшей травы, покрытой налетом инея, и пробормотала под нос точные указания, куда Уилл может засунуть свое терпение. Было еще очень рано – небо оставалось серым и тусклым, и даже птицы не решались высовываться на холод. Последние полторы недели мы бегали вместе почти каждое утро, и у меня болели такие места, о существовании которых я до сих пор и не подозревала.

– И хватит тут нюнить, – добавил он.

Сузив глаза, я подняла голову.

– Что ты сказал?

– Я сказал, поднимай задницу.

Встав, я проковыляла несколько шагов, а потом перешла на трусцу и нагнала Уилла. Он оценивающе поглядел на меня.

– Мышцы все еще болят?

Я пожала плечами:

– Немного.

– Так же сильно, как в пятницу?

Я повела плечами и потянулась, подняв руки над головой.

– Вообще-то нет.

– А в груди все еще – как ты тогда выразилась – такое ощущение, словно кто-то залил твои легкие бензином и поджег?

Я смирла его яростным взглядом.

– Нет.

– Вот видишь. А на следующей неделе станет легче. А еще через одну тебя потянет на пробежку, как, не сомневаюсь, сейчас тебя иногда тянет слопать плитку шоколада.

Я уже открыла было рот для лживого опровержения, но его понимающий взгляд заставил меня заткнуться.

– На этой неделе я попробую созвониться и договориться с кем-нибудь, кто поможет тебе продолжать тренировки, и прежде, чем ты успеешь...

– «Договориться с кем-нибудь»? Что ты имеешь в виду?

Мы перешли на бег, и я увеличила длину шага, чтобы не отставать.

Уилл коротко взглянул на меня.

– Найду кого-то, с кем ты сможешь бегать. Вроде тренера.

Обнаженные деревья, казалось, заключили нас в звуконепроницаемый кокон – хотя невдалеке виднелись верхушки домов и изломанная линия крыш, городской шум доносился как будто с расстояния в несколько миль. Наши ноги стучали по опавшей листве и кусочкам щебенки, рассыпанным по тропинке. Дорожка сузилась настолько, что мне пришлось приспособить шаг. Мое плечо задело плечо Уилла, и я очутилась настолько близко, что смогла различить его запах: ароматы мыла, мяты и легкий оттенок кофе, сохранившиеся на коже.

– Я не понимаю. Почему я не могу просто бегать с тобой?

Уилл рассмеялся и широко махнул рукой, словно ответ был растворен в окружавшем нас воздухе.

– Для меня это не бег, Зиггс.

– Ну конечно, нет: мы ведь бежим трусцой.

– Нет, суть в том, что я должен тренироваться.

Я покосилась на наши ноги, а затем снова многозначительно взглянула ему в лицо.

– А это не тренировка?

Он снова расхохотался:

– Весной я собираюсь участвовать в Эшлендских стартах. Для того чтобы к ним подготовиться, требуется чуть больше, чем полуторамильные пробежки пару раз в неделю.

– А что такое Эшлендские старты?

– Соревнования по триатлону неподалеку от Бостона.

– Ох.

Ритм наших шагов отдавался в голове, и я ощущала, как тело постепенно разогревается. Я почти чувствовала, как по жилам струится кровь. Нельзя сказать, что это было неприятно.

– Ну тогда я просто поучаствую в них вместе с тобой.

Он взглянул на меня сверху вниз, чуть сощутив глаза и приподняв уголки губ в улыбке.

– Ты хотя бы знаешь, что такое «триатлон»?

– Конечно, знаю. Плавание, бег, потом еще надо подстрелить медведя.

– Почти в яблочко, – с каменным лицом заявил он.

– Ну так просвети меня, мистер Игрок. Какой длины должен быть твой триатлон, чтобы ты мог считаться настоящим мужчиной?

– По-разному. Есть короткая, средняя, длинная дистанции и марафон. И никаких медведей, тупица. Плавание, бег, велогонка.

Я пожала плечами, стараясь не обращать внимания на жжение в икрах, которое началось, когда тропа пошла под уклон.

– И какая твоя дистанция?

– Средняя.

– Ладно, – отозвалась я. – Не так уж и сложно.

– Это означает, что тебе надо проплыть около мили, двадцать пять миль проехать на велосипеде, а последние шесть пробежать.

Моя цветущая уверенность чуть подувала.

– Ох.

– Вот почему я не могу торчать с тобой на этой дорожке для чайников.

– Эй! – возмущенно выпалила я и пихнула его так, что он слегка споткнулся.

Рассмеявшись, Уилл выровнялся и одарил меня широкой ухмылкой.

– Тебя всегда было так легко завести?

Я заломила брови, и его глаза широко распахнулись.

– Неважно, – буркнул он.

Когда мы перешли на шаг, солнце наконец-то вырвалось из-за туч. Щеки Уилла порозовели от холода, а кончики волос, высовывающиеся из-под шапки, завились вверх. Его подбородок покрывала щетина. Я обнаружила, что внимательно рассматриваю его, пытаюсь совместить образ стоящего передо мной человека и того парня, которого я так хорошо запомнила. Сейчас он стал взрослым мужчиной. Наверняка Уилл мог бриться хоть дважды в день, а к пяти вечера все равно обзаводился короткой щетиной. Я подняла глаза как раз вовремя, чтобы заметить, как он пялится на мою грудь.

Я чуть присела, пытаясь перехватить его взгляд, однако он явно не хотел отвлекаться.

– Не люблю спрашивать об очевидном, но на что ты смотришь?

Уилл наклонил голову к плечу, изучая меня с другого ракурса.

– Твои сиськи выглядят как-то иначе.

– Разве они не чудесно смотрятся? – поинтересовалась я, беря их в руки. – Как ты уже знаешь, Хлоя и Сара помогли мне подобрать новые лифчики. Сиськи всегда затрудняли мне жизнь.

Уилл выпучил глаза.

– Сиськи никому не могут затруднять жизнь. Никогда.

– ...говорит мужчина, у которого их и в помине нет. Сиськи просто функциональны. Вот и все.

Он уставился на меня с самым настоящим огнем в глазах.

– Несомненно, черт побери. Они выполняют свою работу.

Я фыркнула.

– Не для тебя, детка.

– Хочешь поспорить?

– Проблема сисек заключается в том, что, если они у тебя большие, ты никогда не сможешь выглядеть стройной. На плечах остаются следы от лямок лифчика и спина болит. И если ты не используешь их по прямому назначению, они вечно лезут не туда.

– Куда именно «не туда»? Мне в руки? Мне в лицо? Не смей святотатствовать.

Тут Уилл задрал голову к небу.

– Она брякнула, не подумав, Господи. Честное слово.

Не обращая на это внимания, я продолжала:

– Вот почему я уменьшила их, когда мне исполнился двадцать один.

Тут у него на лице появилось выражение неподдельного ужаса, словно я заявила, что приготовила восхитительное рагу из младенцев и щенячьих языков.

– Как ты могла это сделать? Это как если бы Бог одарил тебя чудесным подарком, а ты в благодарность врезала ему по шарам.

Я рассмеялась.

– Бог? Я считала, что вы агностик, профессор.

– Я и есть агностик. Но если бы я мог прижаться лицом к двум таким идеальным сиськам, как у тебя, то, возможно, обрел бы Иисуса.

Я почувствовала, что краснею.

– Потому что Иисус, несомненно, живет в ложбинке между моими грудями?

– Уже нет. Теперь твои сиськи слишком малы, чтобы он мог там комфортно расположиться.

Уилл покачал головой, я же, не переставая, хихикала.

– Ты такая эгоистка, Зиггс, – добавил он с широченной улыбкой, от которой я чуть не пропахала дорожку носом.

А затем мы оба обернулись на окрик.

– Уилл!

Я перевела взгляд с фигуристой рыжухи, бегущей к нам, на Уилла.

– Эй! – неловко отозвался он и помахал рукой.

Уже опередив нас, девушка на бегу развернулась спиной и прокричала:

– Не забудь позвонить! Ты задолжал мне вторник.

Одарив моего спутника мимолетной игривой улыбкой, она продолжила бег.

Я ждала объяснения, но его не последовало. Уилл сжал зубы, а глаза его, упрямо уставившиеся на дорожку перед нами, больше не улыбались.

– Она симпатичная, – подала я реплику.

Уилл кивнул.

– Твоя подруга?

– Ага. Это Китти. Мы... периодически общаемся.

«Общаемся». Ну конечно. Я провела достаточно времени в колледже, чтобы понимать: для парней в девяноста пяти процентов случаев слово «общаемся» означало секс.

– Так это одна из тех, кого ты не представишь мне в качестве своей девушки?

Его взгляд метнулся ко мне.

– Нет, – ответил Уилл с таким видом, будто я чем-то его оскорбила. – Она точно не моя девушка.

Пару секунд мы шагали молча. Я оглянулась через плечо, начиная понимать, в чем дело. «Не-девушка».

– Ее сиськи... впечатляют. Она явно познала Иисуса.

Уилл расхохотался во весь голос и обнял меня за плечи.

– Скажем так – обретение веры обошлось ей в кругленькую сумму.

Позже, когда мы завершили тренировку, Уилл уселся на землю и занялся растяжкой. Он тянулся, стараясь достать носки. Искоса взглянув на него, я сказала:

– Ну, сегодня вечером у меня будет одна штука.

После чего внутренне передернулась.

Было отчетливо видно, как под штанинами Уилла сокращаются мышцы бедер, так что я чуть не пропустила ответ:

– Штука?

– Ну да. Вроде как по работе. Хотя не совсем. Что-то вроде корпоратива, межфакультетская вечеринка. Я на них никогда не хожу, но в свете того, что я передумала умирать в окружении своры озверевших кошек, мне, возможно, стоит ее посетить. Сегодня четверг, так что вряд ли планируется дикий разгул и пьянка.

Уилл рассмеялся и покачал головой, переходя к следующему упражнению.

– Мероприятие состоится в баре «Динь-Дон», – сказала я, сосредоточенно жуя губу. – Интересно, это что, местная хохма?

– Нет, это местечко рядом с Колумбийским университетом.

Уилл с задумчивым видом почесал щетинистый подбородок.

– Вообще-то оно недалеко от нашей конторы. Мы с Максом время от времени туда навещаемся.

– Ну, туда идут несколько моих сотрудников, и на этот раз, когда они спросили, иду ли я, я сказала «да», а теперь поняла, что должна, по крайней мере, заскочить туда, глянуть, что и как, и, кто знает, может, там будет весело...

Уилл поглядел на меня сквозь густые ресницы.

– Ты хотя бы дышала, пока произносила эту тираду?

– Уилл, – сказала я, пригвоздив его взглядом. – Ты придешь сегодня вечером, когда кончишь?

Он захихикал, опустив голову и потягиваясь.

Только секунду спустя до меня дошло, над чем он смеется.

– Ух, извращенец, – прорычала я, стукнув его по плечу. – Ты ведь понимаешь, о чем я. Ты пойдешь со мной, когда кончишь?

Уилл поднял глаза, услышав звучный хлопок ладони по лбу.

– О боже, уж ляпнула так ляпнула. Короче, просто пошли мне смс, когда кончишь...

Тут я содрогнулась и, развернувшись, поспешила по дорожке к своему дому – хотя было бы намного лучше, если бы тропа разверзлась и меня зашвырнуло бы прямоком в Нарнию.

– Забудь об этом!

– Мне нравится, когда ты просишь меня кончить! – проорал он мне вслед. – Мне не терпится кончить сегодня вечером, Зигги. Может, я кончу в районе восьми? Или ты предпочитаешь, чтобы я кончил в десять? А может, и так и так?

Не замедляя шага, я показала Уиллу средний палец. Слава богу, что он не видел моей улыбки.

4

От сидения за компьютером в течение целого дня у меня затекли ноги. Кроме того, мне дико хотелось отправиться в бар «Динь-Дон» – никогда не думал, что скажу такое, – плюхнуться на барный стул рядом с Зигги и просто... расслабиться. Я уже очень давно не получал такого удовольствия от общения с женщиной, не снимая при этом одежду.

К несчастью для меня, чем больше времени я проводил с Зигги, тем больше стремился перейти к тому, что включало бы в себя раздевание. А это уже смахивало на капитуляцию, словно мозг и тело хотели вернуться к привычному удобству секса без эмоциональной вовлеченности и глубины. Зигги давила на меня, хотя сама этого не осознавала: она заставляла меня задумываться о множестве вещей, начиная с работы и заканчивая сексом с женщинами, которых я не любил. Прошла вечность с тех пор, как у меня возникло желание взяться за интимную историю чьей-то жизни и начисто переписать ее своими руками, языком и членом. Но в случае Зигги я не мог сказать, почему мне хочется этого: то ли потому, что секс был бы проще ее головоломок, то ли потому, что мне хотелось разрешать ее головоломки и во всех прочих сферах.

Так что до десяти я выжидал, давая ей возможность пообщаться и провести время с друзьями из лаборатории. Прибыв в бар, я без особых затруднений обнаружил Зигги у стойки и уселся рядом, задев ее плечом.

– Эй, дамочка. Часто сюда заходите?

Глаза Зигги радостно заблестели, и она просияла улыбкой.

– Привет, игрок Уилл.

Некоторое время мы обменивались странными испытующими взглядами, после чего Зигги сказала:

– Спасибо, что вовремя кон... появился.

Прикусив губу, чтобы не расхохотаться, я поинтересовался:

– Ты уже поужинала?

Она кивнула.

– Мы сходили в рыбный ресторан ниже по улице. Я в первый раз за много лет ела мидии.

Когда я скорчил гримасу, она шутливо ткнула меня локтем.

– Ты не любишь мидии?

– Ненавижу моллюсков.

Придвинувшись ближе, Зигги шепнула:

– А они были восхитительны.

– Не сомневаюсь. Скользкие, резиновые и на вкус как грязная морская вода.

– Рада видеть тебя, – заявила она, резко сменив тему.

Но когда я удивленно покосился от нее, Зигги и не подумала отнекиваться.

– Не только на пробежке, я имею в виду.

– Ну что ж, рад, что ты рада.

Она задержала взгляд на моих губах и щеках, прежде чем снова посмотреть мне в глаза.

– Уилл, ты просто дымишься, и когда-нибудь это меня погубит. А лучше всего то, что ты, скорей всего, и понятия не имеешь, как смотришь на женщин.

Я заморгал.

– Ты о чем?

– Что будете заказывать? – спросил бармен.

Мы оба вздрогнули, когда он плюхнул на стойку два картонных кружка и перегнулся к нам. Похоже, друзья Зигги по лаборатории уже ушли, и «Динь-Дон» стал непривычно тихим. Обычно здесь приходилось кричать через полстойки, чтобы привлечь внимание барменов, пока они наливали пиво другому клиенту.

– «Гиннесс», – сказал я, – и стопку золотого «Джонни Уокера».

Бармен переключился на Зиггс.

– Что-нибудь для вас?

– Еще один холодный чай, пожалуйста.

Подняв брови, он улыбнулся.

– И это все, милашка?

Зигги, рассмеявшись, пожала плечами.

– Что-то покрепче – и через пятнадцать минут я засну.

– Уверен, что у меня тут найдется достаточно крепких штучек, которые не позволят тебе уснуть хоть всю ночь.

Эти слова заставили меня развернуться к Зигги, чтобы проверить ее реакцию. Если она шокирована, придется надрать этому парню задницу.

Однако Зиггс ничего не поняла. Она смущенно рассмеялась, убежденная, что ее просто назвали занудой, и крутанула свою картонную подставку.

– Вы имеете в виду кофе с «Бейлис» или что-то вроде?

– Нет, – ответил бармен, нагло опираясь на локти прямо перед ней. – Я имел в виду кое-что другое.

– Просто принесите холодный чай, – вмешался я.

По ощущениям кровяное давление у меня подскочило примерно на семь тысяч миллиметров. Ухмыльнувшись, бармен выпрямился и пошел за нашим заказом.

Почувствовав на себе взгляд Зигги, я вцепился в салфетку и принялся планомерно рвать ее на мелкие клочки.

– К чему этот суровый тон, Уильям?

Я шумно выдохнул.

– Он что, не видел, что я сижу рядом? Этот козел прямо навис над тобой. Что за придурок.

– Когда принимал мой заказ? – спросила она, смерив меня озадаченным взглядом. – Действительно, что за каналья.

– Двусмысленность, – пояснил я. – Несомненно, ты в курсе, что это такое.

– Несомненно, ты шутишь.

– «Крепкая штучка за барной стойкой, которая не даст тебе уснуть хоть всю ночь»?

Похоже, тут до Зигги наконец-то дошло. Ее губы сложились крохотной буквой «О», а затем она ухмыльнулась:

– Разве не в этом смысл нашего маленького проекта? Внести в мою жизнь побольше двусмысленностей?

Бармен, вернувшись, поставил перед нами напитки и лихо подмигнул Зигги, прежде чем удалиться.

– Наверное, – проворчал я, пригубив пиво.

Зигги выпрямилась и повернулась на стуле лицом ко мне.

– Не то чтобы мне хотелось сменить тему, но прошлой ночью я смотрела порнушку.

Закашлявшись, я поставил стакан с пивом прямо на закругленный край барной стойки, после чего мне пришлось поспешно ловить его, чтобы все пиво не вылилось на меня. Несмотря на это, часть выплеснулась мне на колени.

– Боже, Зигги, ты вообще не фильтруешь слова, – сказал я и схватил груду салфеток, чтобы промокнуть брюки.

– Разве ты не смотришь порнушку?

Смерив взглядом стопку с виски, я поспешно опустошил ее и только потом признал:

– Конечно, смотрю.

– Так что же странного в том, что я ее смотрела?

– В том, что ты ее смотрела, ничего странного нет. Но странно начинать с этого разговор. Я просто... мне все еще надо привыкнуть к этому. До начала проекта «Горячая цыпочка» я знал тебя как маленькую сестренку-ботанку. А теперь ты... женщина, которая уменьшила грудь, женщина которая смотрит порнушку и развивает теории о восстановлении девственной плевы. Приходится перестраивать восприятие.

«А кроме того, ты кажешься мне практически неотразимой», – подумал я.

Зигги отмахнулась от меня и заявила:

– В любом случае возник один вопрос.

Я покосился на нее краем глаза.

– Да?

– Женщины в самом деле издают все эти звуки в постели?

Я замер, начиная расплываться в широкой улыбке.

– Какие звуки, Зигги?

Девочка, кажется, не понимала, как толсто я ее троллю. Закрыв глаза, она прошептала:

– А вот такие: «Ох, ох, Уи-и-илли, мне нужен твой член» или «Сильнее, сильнее, о боже, трахай меня, большой папочка»... и так далее.

Ее голос стал грудным, мягким, и я с ужасом почувствовал, как мой член напрягается. Снова.

– Э-э, некоторые да.

Она расхохоталась.

– Но это же смешно!

Я подавил улыбку. Меня совершенно обезоруживала ее природная самоуверенность даже в той теме, о которой – как я подозревал – она имеет весьма смутное представление.

– Может, им действительно нужен мой член. Разве тебе не хотелось бы желать кого-то так сильно, что тебе был бы нужен его член?

Зигги втянула сквозь трубочку солидную порцию холодного чая, размышляя над вопросом.

– Вообще-то да. Кажется, мне никогда не хотелось кого-то так сильно, чтобы умолять. Печеньку? Да. Пенис? Нет.

– Похоже, это была офигительная печенька.

– Так точно.

Рассмеявшись, я спросил:

– Какой же фильм ты смотрела?

– Э-э...

Она подняла глаза к потолку – не покраснев, не смутившись ни на секунду.

– «Неутомимые новички»? Что-то в этом роде. Там куча девчонок из колледжа занималась сексом с кучей парней. Вообще-то это было довольно впечатляюще.

Я замолчал, и мои мысли потекли в весьма странном направлении: от сокурсниц по колледжу до Зигги в лаборатории, Дженсена, надеявшегося, что она обзаведется новыми друзьями, бармена, пытавшегося закадрить Зигги прямо у меня под носом, и к моему все еще эрегированному члену.

– О чем ты думаешь? – спросила она.

– Да так, ни о чем.

Зигги поставила на стойку стакан с чаем и, крутанувшись на стуле, уставилась на меня.

– Как это вообще возможно? Как мужчины могут говорить, что они ни о чем не думают?

– Ладно, тогда так: я не думаю ни о чем существенном, – пояснил я.

– Мы обсуждаем порнушку, и ты даже не думаешь о сексе?

– Странно, но нет. Я думаю о том, какая ты милая и наивная. И пытаюсь понять, на что подписался, когда обещал тебе помочь разобраться с технологией романтических отношений. Я опасаясь, что превращу тебя в самую ранимую секс-бомбу за всю историю нашей планеты.

– И ты думал сейчас обо всем этом?

Я кивнул.

– Ого. По-моему, это что-то существенное.

Ее голос стал тише и мягче. Примерно так она говорила, когда изображала из себя порноактрису, но сейчас и слова, и эмоции были подлинными. Но когда я оглянулся на Зигги, она смотрела в окно.

– Хотя я не милая и не наивная, Уилл. Я понимаю, о чем ты, но вообще-то я всегда была как бы одержима сексом. В основном его физиологическим аспектом. Почему что-то для одних работает, а для других – нет. Почему кому-то нравятся одни виды секса, а кому-то другие. Дело в анатомии? Психологии? Или наши тела действительно настолько по-разному устроены? И все в таком ключе.

Я в самом буквальном смысле не знал, что на это ответить, поэтому просто пил пиво. Я никогда не задумывался о таких вещах, предпочитая пробовать все, чего хотела каждая конкретная женщина, но мне понравилось, что Зигги размышляет об этом.

– Но в последнее время я, кажется, начинаю понимать, что нравится мне, – призналась она. – Это интересно, но сложно без возможности испытать на деле. Следовательно, порнушка.

Она сделала большой глоток и с улыбкой взглянула на меня. Если бы Зигги сказала мне что-то в этом роде две недели назад, я бы почувствовал неловкость за нее и решил, что не следует так открыто признаваться в своей неопытности. Но теперь я обнаружил, что мне хочется сохранить в ней это качество, хотя бы немного.

– Не могу поверить, что поддерживаю этот разговор, но... Меня беспокоит, что после просмотра порнушки у тебя создается ложное впечатление о том, каким должен быть секс.

– Почему?

– Потому что секс, который показывают в порнофильмах, довольно далек от реальности. Зигги со смехом спросила:

– Ты имеешь в виду, что у большинства мужчин предмет в штанах мало похож на упаковку «Принглс»?

На сей раз я сумел не поперхнуться.

– Да, в том числе.

– Я занималась сексом раньше, Уилл. Просто он был довольно однообразным. Порнушка – неплохой способ выяснить, что заставляет мой колокольчик звенеть, если ты понимаешь, о чем я.

– Ты удивляешь меня, Зигги Бергстрем.

Несколько долгих секунд она медлила с ответом.

– Ты же знаешь, что меня зовут не так.

– Я знаю. Но я зову тебя так.

– Ты всегда будешь звать меня Зигги?

– Возможно. Это тебя раздражает?

Она пожала плечами и снова развернулась лицом ко мне.

– Может, немного. Я о том, что это прозвище больше мне не подходит. Так зовут меня только родные. А не, скажем, друзья.

– Я не считаю, что ты ребенок, если именно это тебя беспокоит.

– Нет, дело не в этом. Все когда-то были детьми, а потом выросли и научились быть взрослыми. У меня же такое ощущение, что я всегда знала, как быть взрослой, но только сей-

час учусь быть ребенком. Может, Зигги – это мое взрослое имя. Может, я хочу немного раскрепоститься.

Я ущипнул ее за ухо, и, пискнув, она отпрянула.

– Так ты начинаешь раскрепощение с просмотра порнушки?

– Именно так.

Тут она уставилась на мой профиль.

– Можно спросить у тебя кое-что личное?

– Тебе вдруг понадобилось разрешение?

Зигги захихикала и толкнула меня в плечо.

– Я серьезно.

Я отставил свою опустевшую пинтовую кружку и посмотрел Зигги в глаза.

– Можешь спрашивать меня о чем угодно, если купишь мне еще пива.

Она подняла руку, что немедленно привлекло внимание бармена. Ткнув пальцем в кружку, Зигги сказала: «Еще один “Гиннесс”», – и повернулась ко мне.

– Ты готов?

Я обреченно пожал плечами.

Подавшись вперед, Зигги спросила:

– Мужчинам действительно так нравится анал?

Я на секунду зажмурился, сдерживая смех.

– Это просто называется аналом. Речь не о самом анальном отверстии.

– Это правда? – повторила она.

Вздыхнув, я потер руками лицо. Стоило ли вообще углубляться с ней в эту область?

– Наверное? В смысле, да.

– Так ты занимался этим?

– Ты серьезно, Зигги?

– А ты не думал, во что...

Я поднял руку.

– Хватит.

– Ты даже не знаешь, что я собиралась сказать!

– Знаю. Я знаю тебя, Зиггс. Так что абсолютно точно представляю, что ты собиралась сказать.

Состроив гримасу, она снова развернулась к телевизору над баром. На экране «Никс» добивали «Хит».

– Мужчины умеют просто отключать мозг. Я этого не понимаю.

– Значит, у тебя еще не было такого секса, ради которого стоило бы отключить мозг.

– По-моему, вы отключаете мозг даже ради весьма посредственного секса.

Рассмеявшись, я признал:

– Возможно. Но, смотри, вот ты пообедала мидиями. Это же как... жилистое, непрожевываемое морское дерьмо. Но если бы ты вдруг решила отсосать мне, я не стал бы думать о том, что ты недавно проглотила мидии.

Я заметил легкий румянец, выступивший на ее щеках.

– Ты стал бы думать о моих исключительных способностях по части минета.

Я вылупил глаза.

– Я... что?

Покачав головой, Зигги рассмеялась.

– Видишь? Я еще ничего не сделала, а ты уже лишился дара речи. Мужчины так примитивны.

– Твоя правда. Парни готовы засунуть член в любую дыру.

– В любую трахабельную дыру.

Развернувшись к ней, я выдавил:

– Что?

– Ну, не каждая дыра подходит для траха. Есть, к примеру, нос. Или ухо.

– Ты явно не слышала вещицу «Человек из Нантакета».

– Нет.

Моя наивная пери сморщила нос, и я загляделся на ее веснушки. Сегодня губы Зигги казались особенно красными, хотя она была без косметики. Просто они... раскраснелись.

– Все это слышали. Крайне непристойный лимерик.

– Это ты мне говоришь? – Она ткнула себя пальцем в грудь, и я изо всех сил попытался не смотреть туда. – Меня ты вряд ли испортишь каким-то стишком.

Вместо ответа я процитировал:

– Жил-был человек в Нантакéте. С багром, самым длинным на свете. Сам сосал у себя, бесконечно любя, да и ухо держал на примете³.

Зигги в упор уставилась на меня.

– Это... вообще-то мерзко.

Мне понравилось, что ее первая реакция была именно такой.

– Что конкретно? То, что он сам себя ублажал, или секс в ухо?

Не удостоив вниманием мой вопрос, Зигги поинтересовалась:

– А ты бы сам себе отсосал, если бы мог?

«Ни за что на свете, – собирался ответить я, но потом задумался. – Если бы это было возможно, я бы попробовал хотя бы разок, чисто из любопытства».

– Наверное...

– А проглотил бы?

– Боже, Зигги, ты задаешь трудные вопросы.

– Что, тут есть о чем задуматься?

– Ну, если я скажу, что ни за что в жизни, то буду выглядеть как настоящий засранец, но суть в том, что я бы действительно ни за что бы это не проглотил. Мы сейчас говорим о гипотетической ситуации, где я сосу свой собственный член, но мне нравится, когда глотают девушки.

– Но не все девушки глотают.

Сердце заколотилось – не просто быстрее, но и сильнее, словно долбя меня изнутри. Эта беседа очень резко вышла из-под контроля.

– Как насчет тебя?

Снова пропустив мои слова мимо ушей, она продолжила:

– Но парням не очень-то нравится отлизывать девушкам, так ведь? Если уж быть абсолютно честными.

– Мне нравится делать это с некоторыми девушками. Не со всеми партнершами, и не потому, что ты думаешь. Это очень интимный процесс, и не каждая женщина умеет расслабиться, отчего удовольствие уже не то. Не знаю. Для меня минет – что-то вроде мануального секса, только ощущения намного приятней. Но куннилингус? Это уже другая ступенька в отношениях. Для этого нужно доверие.

– Я никогда не занималась ни тем ни другим. Оба кажутся мне довольно интимными.

Оборвав разговор, я негромко поблагодарил бармена, поставившего передо мной «Гиннесс», но не знал, как унять странное победное чувство, бурлившее в крови. Да и вообще, в чем дело? Я не собирался стать первым, кто сделает ей куннилингус. Вряд ли я мог бы заняться этим с ней. К тому же Зигги настолько открыто высказывала свои желания... у меня в животе

³ Переводчик заменил все матерные слова в этом, несомненно, выдающемся стихотворении.

заныло, когда я понял, что если бы она хотела меня, то, вероятно, так бы уже и сказала. Она подошла бы ко мне, положила руку мне на грудь и спросила бы: «Уилл, ты меня оттрахаешь?»

– Эй! – сказала Зигги, склоняясь ко мне, чтобы привлечь внимание. – О чем ты сейчас думаешь?

Поднеся пиво к губам, я сказал:

– Ни о чем.

– Будь я склонна к насилию, моя ладонь врезала бы сейчас тебе по щеке.

Это меня насмешило.

– Ладно. Я просто подумал, что это немного... необычно: ты уже занималась сексом, но никогда никому не отсасывала и не была принимающей стороной.

– Ну... – она немного откинулась на барном стуле, – я вроде как отсасывала одному парню, но при этом понятия не имела, что делаю, так что просто вернулась в район лица.

– Парни довольно незамысловаты: вверх, вниз, и мы уже готовы отстреляться.

– Нет, я имею в виду... Это-то я понимаю. Я говорю про себя. Как делать это и одновременно дышать, да еще и не беспокоиться о том, что я его укушу? Допустим, при посещении отдела посуды в каком-нибудь дорожном магазине у тебя никогда не возникало панического ощущения, что ты сейчас случайно махнешь рукой и перебьешь весь уотерфордский хрусталь?

Расхохотавшись, я наклонился к ней. Эта девчонка была просто невероятной.

– Значит, когда у тебя во рту член, ты просто боишься... укусить его?

Она тоже начала смеяться, и секунду спустя мы уже оба, согнувшись вдвое, ржали над этой картиной. Но наше веселье почти сразу утихло, и я заметил, что Зигги смотрит на мои губы.

– Некоторым парням нравятся зубы, – тихо заметил я.

– Некоторым парням... например, тебе?

Сглотнув, я сознался:

– Да. Мне нравится, когда девушки ведут себя немного жестко.

– Когда они царапаются, кусаются и все такое?

– Ага.

От одних ее слов у меня по спине побежали искры. Я громко сглотнул, гадая, скоро ли смогу выбросить из головы образ Зигги, делающей все перечисленное.

– Сколько у тебя было парней? – спросил я.

Прежде чем ответить, Зигги глотнула чая.

– Пять.

– У тебя было пять парней, но ты никогда не делала минета?

Мой желудок ухнул в адскую бездну, и хотя я понимал, что от моего раздражения так и разит лицемерием, но сдержаться уже не мог.

– Срань господня, Зиггс, когда ты успела?

Она насмешливо закатила глаза.

– Я рассталась с невинностью в шестнадцать лет. Как раз в тот год, когда ты проходил практику у папы.

Когда я собрался было протестовать, она закрыла мне рот ладонью и продолжала:

– Даже не начинай, Уилл. Я уверена, что ты потерял девственность лет в тринадцать.

Мне оставалось только захлопнуть варежку. Она угадала.

Проницательно улыбнувшись, Зигги продолжала:

– Прошу прощения, но я даже не сомневаюсь, что у тебя были сотни женщин. Пять – не так уж и много. В школе я переспала еще с несколькими парнями, после чего решила, что делаю это неправильно. Особого интереса к процессу я не испытывала. В колледже у меня какое-то время был парень, но... возникло ощущение, что что-то не так. Сексом заниматься

прикольно до тех пор, пока не переходишь непосредственно к делу. А потом получается что-то типа: «Хм-м, интересно, достаточно ли клеток я посеяла, чтобы завтра построить график зависимости от дозы для изучаемого реагента».

– Звучит уныло.

– Я знаю.

– Секс вовсе не скучный.

Она окинула меня испытующим взглядом и пожала плечами.

– Наверное, секс не должен быть скучным. Полагаю, он казался мне скучным потому, что большинство парней моего возраста понятия не имели, как обращаться с женским телом.

Зигги отвернулась, и я чуть не попросил ее снова взглянуть на меня. Я уже пристрастился к тому зуду, который охватывал мое тело под ее пристальным взглядом.

– Я их не обвиняю. Там, внизу, все довольно сложно устроено.

Она махнула рукой куда-то в сторону своих колен.

– Просто я уже давно не встречала мужчину, ради которого мне бы хотелось узнать, к чему вся эта шумиха.

Снова покосившись на мои губы, Зигги моргнула и уставилась на краны с разливным пивом над барной стойкой.

Я, глядя на свое пиво, потихоньку вращал кружку. Конечно, она была права – множество знакомых мне женщин занимались сексом не ради оргазма. Китти однажды сказала, что после секса чувствует особую близость со мной. Она сделала это признание как раз в тот момент, когда я начал мысленно перебирать содержимое своего холодильника. В эту секунду Ханна была мне куда ближе, чем Китти когда-либо до, после или во время секса.

Что-то в ней пробуждало во мне голод – словно мне хотелось так же честно и спокойно относиться ко всему, как она. Мне хотелось узнать Ханну, хотелось услышать ее мнение обо всем.

Я замер, не донеся пиво до рта и внезапно осознав, что мысленно назвал ее Ханной. Ощущение было такое, словно я долго сдерживал дыхание и наконец-то выдохнул.

Зигги была сестренкой Дженсена. Зигги была ребенком, которого я никогда не знал.

А Ханна была раскрепощенной, самодостаточной женщиной, сидевшей сейчас передо мной и, вне всяких сомнений, способной перевернуть мой мир вверх тормашками.

5

Я пришла к решению: если я собираюсь предъявить права на личное время Уилла и настаивать на продолжении наших совместных тренировок, тогда мне придется по-настоящему... ну, понимаете... тренироваться.

Я решила вести себя серьезно и начать относиться к этому как к эксперименту, а не как к игре. Стала ложиться в нормальное время, чтобы успеть встать и пробежаться с ним, а затем прийти на работу достаточно рано и провести весь день у лабораторного стола. Расширила свой тренировочный гардероб, так что теперь он включал несколько качественных спортивных костюмов и лишнюю пару обуви. Прекратила рассматривать «Старбакс» как производителя продуктов питания и меньше ныла. Объединив мой невиданный энтузиазм и поддержку Уилла мы записались на полумарафон в середине апреля. Я была в ужасе.

Однако Уилл оказался прав: стало легче. Прошло всего несколько недель, а мои легкие перестали гореть, голени уже не чувствовали себя так, словно сделаны из хрупких прутиков, и к концу беговой дорожки сблевать уже не тянуло. И, более того, мы сумели увеличить длину забега и перейти на обычную дорожку Уилла по внешнему периметру. Уилл уверил меня, что если я смогу пробегать по шесть миль в день, а дважды в неделю делать по восемь, то дополнительные тренировки без моего участия ему не понадобятся.

И дело было не только в том, что мне стало легче. Разница тоже начала ощущаться. Благодаря удачной наследственности я всегда оставалась относительно стройной, но меня нельзя было назвать спортивной. Живот был рыхловат, руки ближе к плечу противно колыхались, если ими размахивать, а над ремешком джинсов всегда выступала эта чертова складка, если я ее, конечно, не втягивала. Но сейчас... я выглядела уже по-другому и была не единственной, кто это заметил.

– Что с тобой происходит? – поинтересовалась Хлоя, разглядывавшая меня из глубин моего гардероба.

Ткнув пальцем в мою сторону, она описала неопределенную кривую.

– Ты выглядишь... иначе.

– Иначе? – переспросила я.

Вообще-то смысл «Проекта Зигги» заключался не в том, чтобы проводить как можно больше времени с Уиллом – хотя он быстро набирал очки в рейтинге самых приятных мне людей, – а в том, чтобы найти баланс и зажечь полной жизнью вне стен лаборатории. За последние пару недель Хлоя и Сара стали важной частью этого благородного начинания. Они вытаскивали меня пообедать или просто заходили ко мне домой и проводили там пару часов.

В этот четверг они пришли, нагруженные едой. Каким-то образом мы переместились в мою комнату, где Хлоя взялась перебрать мой гардероб и решить, что можно оставить, а от чего следует немедленно избавиться.

– «Иначе» в хорошем смысле, – пояснила она и развернулась к Саре.

Та растянулась у меня на кровати, возясь с каким-то финансовым отчетом.

– Ты так не считаешь?

Сара подняла голову и, прищурившись, оглядела меня.

– Несомненно, лучше. Может, счастливей?

Хлоя уже кивала.

– Как раз собиралась это сказать. Щеки так и рдеют. А твоя задница смотрится просто изумительно в этих брюках.

Я уставилась на свое отражение спереди, а затем развернулась, чтобы полюбоваться видом сзади. Мои тылы определенно выглядели вполне счастливыми. Фронтальная часть тоже была ничего.

– Штаны стали свободней, – заметила я, проверив размер. – И гляньте – никакого животики!

– Ну, это всегда в плюс, – со смехом заметила Сара.

Затем, покачав головой, она вернулась к своим документам.

Хлоя начала развешивать одобренную ей одежду по вешалкам, а остальное принялась распахивать по пластиковым мешкам.

– Ты выглядишь более подтянутой. Что ты делала?

– Просто бегала. И много тренировала растяжку. Уилл просто фанат растяжки. В последнюю неделю он добавил к нашим упражнениям приседания – и я просто выразить не могу, как их ненавижу.

Продолжая изучать свое отражение, я добавила:

– Не помню, когда в последний раз ела печенье. Это почти преступление.

– Так ты все еще тренируешься с Уиллом? – спросила Хлоя.

От меня не ускользнул взгляд, который она бросила Саре. Взгляд этот ясно говорил, что я только что подарила им чудесную сплетню, и они будут обсуждать и препарировать ее до тех пор, пока я не взмолюсь о пощаде.

– Да, каждое утро.

– Уилл тренируется с тобой *каждое* утро? – подала реплику Сара.

Затем последовал еще один обмен взглядами.

Кивнув, я наклонилась за парой вещей, валявшихся на полу.

– Мы встречаемся в парке. Вы знаете, что он будет участвовать в триатлоне? Он в отличной форме.

Тут я захлопнула рот, сообразив, что с Хлоей следовало намного внимательней следить за словами, чем с Уиллом. К тому моменту я знала ее уже достаточно хорошо, чтобы понять – от нее мало что ускользает.

И действительно: она заломила бровь и перекинула волну темных густых волос за плечо.

– Так вот, насчет Уильяма.

Я что-то промычала себе под нос, складывая пару носков.

– Кроме этих ежедневных тренировок, ты с ним встречаешься?

Их взгляды жгли мне щеку, словно два раскаленных лазерных луча. Я кивнула, стараясь не смотреть в их сторону.

– Он редкостный красавчик, – добавила Хлоя.

«Опасность! Опасность!» – просигналил мозг.

– Это да.

– А вы видели друг друга голышом?

Я уставилась на Хлою.

– Что?

– Хлоя! – простонала Сара.

– Нет, – запротестовала я. – Мы только друзья.

Хлоя фыркнула и направилась к гардеробу, подхватив стопку одежды.

– Конечно.

– Мы бегаем по утрам, иногда встречаемся и пьем кофе. Ну, может, завтракаем, – пожав плечами, сказала я.

Мне пришлось старательно игнорировать показания моего правдометра, хотя стрелка уже пересекла красную черту. В последнее время мы завтракали вместе почти каждое утро, а потом как минимум раз в день говорили по телефону. Я даже начала обращаться к нему за советом по поводу своих экспериментов, когда Лиемаки уезжал или просто был занят... может, потому, что я высоко ставила его научную оценку.

– Только друзья, – повторила я, покосившись на Сару.

Она упрямо смотрела в свои бумаги, но при этом улыбалась и покачивала головой.

– Брехня, – почти пропела Хлоя. – У Уилла Самнера не бывает женщин-друзей, не считая родственников и нас двоих.

– Это правда, – неохотно согласилась Сара.

Ничего не ответив, я развернулась и принялась рыться в ящиках гардероба, разыскивая свитер. Затылком, однако, я чувствовала взгляд Хлои. Подруг у меня всегда было немного, и, конечно, ни одна из них не могла сравниться с Хлоей Миллс, но даже мне хватало ума немного ее опасаться. Более того, у меня создалось отчетливое впечатление, что и Беннетт ее слегка побаивается.

Я нашла кардиган, за которым так долго охотилась, и накинула его поверх моей любимой футболки с картинкой из сериала «Светлячок». При этом я постаралась придать лицу самое равнодушное выражение, а из головы выбросить все мысли об Уилле, выходящие за пределы дружеской зоны. Но интуиция подсказывала мне, что эта парочка за секунду раскусит мою маскировку.

– Как давно вы знакомы? – спросила Сара. – Они с Максом уже долго дружат, но я познакомилась с Уиллом только после переезда в Нью-Йорк.

– Та же история, – добавила Хлоя. – Давай колись, Бергстрем. Он слишком большой пижон, так что нечто инкриминирующее нам не помешает.

Я рассмеялась, обрадовавшись частичной смене темы.

– Что вы хотите знать?

– Ну, ты общалась с ним в те времена, когда он учился в колледже. Может, он был страшным занудой? Пожалуйста, скажи нам, что он ходил в шахматный клуб или что-то вроде, – с надеждой произнесла Хлоя.

– Ха, а вот и нет. Я совершенно уверена, что едва ему стукнуло восемнадцать, как все мамочки уже положили на него глаз.

Я нахмурилась, припоминая.

– Вообще-то я, кажется, слышала что-то такое от Дженсена...

– Макс говорил, что Уилл встречался с твоей сестрой, – перебила Сара.

Пожевав губу, я покачала головой.

– Они затусили как-то раз во время праздников, но, по-моему, дело ограничилось поцелуйчиками. Уилл познакомился с моим старшим братом Дженсеном в первый же день в колледже, а потом жил у нас, когда работал на папу после выпуска. Я младшая в семье, так что не особенно общалась с ними, разве что на кухне во время еды.

– Прекрати увиливать, – сказала Хлоя, сузив глаза. – Ты просто обязана знать больше.

Я рассмеялась.

– Так, поглядим. Он младший в семье, как и я. У него есть две сестры, намного старше его, но я никогда их не видела. Такое чувство, что в детстве над ним очень тряслись. Помню, один раз он рассказывал о том, что его родители – врачи и развелись задолго до его рождения. Спустя много лет они встретились на медицинской конференции, напились вдрызг и восставили супружеские узы на одну ночь.

– И – бум! – родился Уилл, – предположила Сара.

Я медленно кивнула.

– Да. Но вырастила его мать. А сестры на двенадцать и четырнадцать лет старше его, так что он был их любимым крошкой.

– Теперь понятно, почему он считает, что женщины на Земле нужны исключительно для того, чтобы его ублажать, – заявила Хлоя, плюхнувшись на кровать рядом с Сарой.

Это показалось мне несправедливым. Я села рядом с ними, покачав головой.

– Не думаю, что дело в этом. Просто ему очень, *очень* нравятся женщины. И, похоже, это взаимно. Он вырос в женском окружении, поэтому знает, как они думают и что хотят услышать.

– Он, безусловно, знаком с правилами игры, – заметила Сара. – Боже, вы бы послушали, что мне рассказывал Макс.

Я вспомнила свадьбу Дженсена, когда Уилл ускользнул сразу с двумя девицами, не замеченный никем, кроме меня. Скорей всего, он проделывал это не в первый и не в последний раз.

– Женщины всегда любили его, – сказала я. – Помню, как подружки моей матери сплетничали о нем, когда он работал на отца. Боже, эти бабы готовы были пуститься с мальчишкой во все тяжкие.

– Бешеные пантеры! – восхищенно пискнула Хлоя. – Это великолепно!

– Господи, да все девчонки были в него влюблены, – я прижала подушку к груди, вспоминая те дни. – У меня в школе было несколько подруг – а мне едва исполнилось двенадцать, когда он в первый раз приехал к нам с Дженсеном, – так вот, эти девочки находили самые безумные поводы заглянуть ко мне. Одна из них сделала вид, что ей просто необходимо в сочельник вернуть одолженный у меня свитер, и при этом притащила мне *свой* свитер. Просто попробуйте представить Уилла девятнадцатилетним парнем, гордым на всякие авантюры, опытным по части женского тела и с этой его бесшабашной улыбкой. Он играл в рок-группе, у него были татуировки... просто ходячий секс. А потом еще он как-то прожил у нас целое лето. Ему двадцать четыре, а мне шестнадцать. Это было невыносимо. Создавалось впечатление, что носить дома рубашку ниже его достоинства и ему просто необходимо демонстрировать всю эту гладкую, идеальную кожу.

Очнувшись от воспоминаний, я обнаружила, что Хлоя и Сара смотрят на меня с ухмылками.

– Что?

– Это были весьма похотливые описания, Ханна, – ответила Сара.

Бросив взгляд на нее, я спросила:

– Ты сказала «похотливые»?

– Несомненно, она сказала именно это, – вмешалась Хлоя. – И я согласна. У меня такое ощущение, будто я порнушку посмотрела.

Зарывав, я вскочила с кровати.

– Итак, не поддается сомнению, что малолетняя Ханна была без ума от Уилла, – продолжила Сара. – Но гораздо важнее другой вопрос – что думает о нем двадцатичетырехлетняя Ханна?

Над этим следовало поразмыслить. Если говорить откровенно, я много думала об Уилле, причем во всех возможных вариантах. Я думала о его теле и многоопытных губах, и, конечно, обо всех тех вещах, которые он может делать с их помощью, но также и о его ясной голове и добром сердце.

– Я считаю, что он удивительно милый и невероятно умный. Он, конечно, страшный гуляка, но под этим скрывается по-настоящему хороший парень.

– И ты никогда не думала, что неплохо было бы его оттрахать?

Я вылупилась на Хлою.

– Что?

Она не отвела глаза.

– Что «что»? Вы оба молоды и сексуальны. Может закрутиться неплохая история. Спорю, что это будет невероятно.

За пару секунд передо мной пронесли сотни картин, и, хотя мысли о сексе с ним посещали меня явно чаще, чем нужно, я героически выдавила:

– Никакого секса у нас с Уиллом не будет. Ни за что на свете.

Сара пожала плечами:

– Может, ты еще не созрела.

Крутанувшись, я уставилась на нее.

– Разве тебе в вашем дуэте не отводится роль скромницы?

Хлоя, громко расхохотавшись, взглянула на подругу с шутливым укором.

– Скромница, ага. В тихом омуте черти водятся, уж поверь мне.

– В любом случае, – продолжила я, – он относится ко мне как к младшей сестренке.

Хлоя, усевшись прямо, пригвоздила меня серьезным взглядом.

– Вот что я тебе скажу: когда мужчина знакомится с женщиной, он сразу помещает ее в одну из двух категорий – либо «только друг», либо потенциальная кандидатка на потрахаться.

– А разве девочки не приходят к нему по звонку? – поморщившись, спросила я.

Идея регулярных встреч мне нравилась, но у меня создалось впечатление, что Уилл регламентирует отношения несколько жестче, чем готов признать в своих разговорах о сексе без обязательств. Свидания по расписанию? Я сомневалась, что смогла бы смириться с подобными ограничениями в таких динамичных, непредсказуемых отношениях, как секс.

Сара кивнула.

– В последнее время Китти приходит по вторникам, а Кристи – по субботам.

Задумчиво хмыкнув себе под нос, она добавила:

– По-моему, с Ларой он больше не встречается, но другие наверняка время от времени заполняют лакуны.

Они с Хлоей обменялись взглядами. Я отвернулась, чтобы девочки без помех могли разобратся друг с другом.

– Я не предлагаю ей влюбляться в него, – заявила Хлоя. – Пускай просто хорошенько его оттрахает.

– Я только хочу удостовериться, что все карты выложены на стол, – ответила Сара, вызывающе глядя на подругу.

– Ну, – вмешалась я, – в любом случае это неважно. Учитывая, что Уилл – лучший друг моего брата, мы с большой долей уверенности можем предположить, что я для него на чисто дружеской территории.

– Он что, не говорил о твоих сиськах? – поинтересовалась Хлоя.

Я почувствовала, как румянец ползет вверх по шее. Уилл говорил о них, пялился на них и вообще чуть ли не возвел мою грудь на пьедестал.

– Э-э, да.

Хлоя самодовольно ухмыльнулась.

– Больше мне нечего добавить.

На следующее утро Уилл наверняка решил, что я нажралась психотропных таблеток... или что мне нужно срочно принять парочку. Во время пробежки я мало обращала внимание на окружающее, раз за разом мысленно прокручивая разговор с Хлоей и Сарой. Увы, думала я не только о том, сколько раз Уилл пялился на мои сиськи, указывал на них и даже беседовал с ними, но и о других его женщинах: что он делал с ними, что они чувствовали при этом, и было ли им так же весело с ним, как мне. А еще о том, что большую часть времени с этими женщинами он проводил... голым.

А это, конечно, привело к мыслям об обнаженном Уилле, что отнюдь не помогало сосредоточиться или бежать по прямой, следуя протянувшейся передо мной дорожке.

Я силой заставила себя переключиться с мужчины, бежавшего рядом в непринужденном молчании, на работу, ожидавшую меня в лаборатории, отчет, который необходимо было закончить, и экзаменационные работы, которые Лиемаки попросил проверить.

Но позже, когда Уилл нагнулся ко мне и начал массировать мою правую ногу – ее скрутила судорога, так что я практически рухнула на дорожку, – он смотрел на меня так пристально, его взгляд так медленно скользил по моему лицу, что все запретные мысли хлынули обратно.

В желудке что-то сжалось, и восхитительное тепло потекло от груди вниз, отдавшись между ног сладкой болью. Мне показалось, что я таю, впитываюсь в холодную землю.

– Ты в порядке? – тихо спросил Уилл.

Меняхватило лишь на короткий кивок.

Его брови сошлись на переносице.

– Сегодня ты какая-то подозрительно тихая.

– Просто задумалась, – пробормотала я.

На его губах появилась легкая сексуальная улыбка, и я почувствовала, как сердце замерло, а затем истошно забилося в груди.

– Что ж, надеюсь, ты задумалась не о порно, минете или своих исследованиях в области секса, потому что, если надеешься удержать всю эту хрень при себе, у тебя будут неприятности. Сейчас у нас общий ритм, Зиггс.

После пробежки в тот день я приняла особенно долгий душ.

Я никогда не была фанатом смсок – вообще-то до встречи с Уиллом мои текстовые сообщения ограничивались односложными ответами родственникам или коллегам.

«Так ты приходишь?» – «Да».

«Можешь прихватить бутылку вина?» – «Ага».

«Ты будешь с парнем?» (Ответа нет).

До прошлой недели – когда я наконец-то распечатала коробку с айфоном, который Нильс подарил мне на Рождество, – я пользовалась телефоном-раскладушкой, вечным предметом шуток Дженсена. Он говорил, что это первый на свете мобильник. У кого есть лишнее время на сотни сообщений, если можно просто позвонить и все уладить меньше чем за минуту? Такой способ общения не казался мне особенно эффективным.

Но перекидываться смсками с Уиллом было весело, и следовало признать, что новый телефон сильно облегчил дело. В сообщениях он пересказывал случайные мысли, пришедшие ему в голову за день, отправлял снимки своего лица после моих особенно неудачных шуток или фотографию обеденной тарелки с куриной грудкой в форме пениса. Так что после... расслабляющего душа, услышав пикиканье телефона в соседней комнате, я не удивилась, обнаружив смску от Уилла.

Однако меня удивил ее текст.

«Что на тебе сейчас?»

Я озадаченно нахмурилась. Это было неожиданно, хотя я слышала от него и более странные вопросы. Через полчаса мы собирались позавтракать вместе – может, Уилл опасался, что я заявлюсь в ресторан, одетая в студенческие обноски, как он частенько подшучивал.

Поглядев на свою голую грудь, обмотанную полотенцем, я решительно написала:

«Черные джинсы, желтая футболка, голубой свитер».

*«Нет, Зигги. Я спрашивал *добавь двусмысленность* ЧТО НА ТЕБЕ СЕЙЧАС»*

Теперь он действительно озадачил меня. Я ответила:

«Не понимаю».

«Я шлю тебе сексмску».

Пару секунд я пялилась на телефон, после чего написала:

«Что?»

Уилл печатал намного быстрее меня, так что его ответ пришел почти сразу.

«Когда приходится объяснять, это не так сексуально. Новое правило: тебе следует хотя бы бегло ознакомиться с искусством сексмсок».

Понимание вспыхнуло у меня в мозгу, словно включилась лампочка.

«О! И ха! Сексмска. Остроумно, Уилл».

«Хотя я ценю твой энтузиазм и тот факт, что ты считаешь меня достаточно остроумным для изобретения этого термина, но, увы, его придумал не я. Он уже довольно давно распространен в поп-культуре. А теперь отвечай на вопрос».

Я задумчиво прошлась по комнате. Ладно. Это задание, и я могу его выполнить. Я попыталась вспомнить все сексуальные двусмысленности, попадавшие мне в фильмах, и, конечно, ничего не пришло на ум. Я подумала было о фразочке, которую использовал мой братец Эрик, когда кадрил девиц... и с дрожью отказалась от этой мысли.

В голове было совершенно пусто.

«Ну, вообще-то я еще не одета, – набрала я. – Я просто пыталась решить, нарушу ли правила приличия, если приду без трусов. У меня очень облегающая юбка, но стринги я ненавижу».

По экрану побежали маленькие точки – знак, что он печатает ответ.

«Черт, это было неплохо, крошка. Но не употребляй слово трусы. Или блузка. Несексуально».

«Не прикалывайся надо мной. Я не знаю, что сказать. Я чувствую себя идиоткой, стоя голышом и переписываясь с тобой».

Я ждала ответа.

Прошло несколько секунд, прежде чем экран снова осветился.

«О'кей. Ты явно поняла, в чем штука. А теперь выдай что-нибудь непристойное».

«Непристойное?»

«Я жду».

О боже. Может, погуглить? Нет. Порывшись в голове, я напечатала первую относительно непристойную вещь, пришедшую на ум:

«Иногда, когда мы бегаем и ты контролируешь дыхание, подчиняя его определенному ритму, я задумываюсь, какие звуки ты издаешь во время секса».

Видимо, непристойность получилась вовсе не относительная, потому что он не отвечал, казалось, целую вечность. Господи. Я отложила телефон, нимало не сомневаясь, что Уилл бросит меня и вообще никогда не ответит. Он, наверное, хотел услышать что-то игривое и не настолько... честное.

Я отошла в ванную, пригладила влажные волосы щеткой, а затем скрутила их в узел на макушке. И тут из другой комнаты раздалось жужжание оставленного на столе телефона.

«ВАУ!!!!», – гласило первое сообщение.

И второе:

«Ну ты сразу и набрала обороты. Мне понадобится минута. Или пять».

«ОБОЖЕМОЙМЕТАКСЫНО», – набрала я онемевшими, трясущимися пальцами, чувствуя, что готова залезть в какую-нибудь дыру и тихо там умереть. – ТО ЕСТЬ МНЕ ТАК СТЫДНО НЕМОГУПОВЕРИТЬЧТОНАПИСАЛАЭТО».

«Да ты смеешься, – ответил он. – Это было как внезапное Рождество. Мне явно надо повысить ставки. Подожди, сначала мне понадобится разминка».

Я закатила глаза.

«Жду».

«Твои сиськи сегодня выглядели великолепно».

«И это все?» – написала я.

Честное слово, он говорил куда большие пошлости мне в лицо. А также в сиськи. Неужели он считал, что этим преподает мне урок сексуальности?

«Да? Я совсем тебя не впечатлил?»

«Ффффффффффф», – ответила я.

«Можно мне в следующий раз ПОСМОТРЕТЬ на твои сиськи?»

Ну что ж, щеки у меня слегка покраснелись, но черта с два я сознаюсь в этом.

«Зеваю», – написала я, с идиотской улыбкой пялясь на экран.

В окне разговора появилось маленькое текстовое облачко, пока пустое – Уилл только начал печатать ответ. Я ждала. Ждала. И наконец-то:

«А могу я пощупать их? Попробовать на вкус?»

Я поддернула полотенце повыше и сглотнула. По телу пробежала дрожь. Разогрелись уже не только щеки. Я ответила:

«Уже чуть лучше».

«Можно их облизать, а потом оттрахать?»

Я выронила телефон и тут же поспешно за ним наклонилась.

«Совсем неплохо», – трясущимися руками напечатала я и закрыла глаза, пытаюсь выкинуть из головы образ Уилла: его бедра раскачиваются над моей грудью, член скользит в мягкой ложбинке между сиськами.

Я почти ощущала его уверенность, сочащуюся сквозь телефонную трубку, когда пришел ответ:

«Дай мне знать, когда тебе понадобится минутка УЕДИНЕНИЯ. Ты уже готова?»

«Нет. Совершенно нет». Да.

«На тебе пару дней назад был свитерок, помнишь, розовый? Твои сиськи выглядели просто потрясающе. Полные и мягкие. Когда задувал ветер, я видел, как напрягались твои соски. Все, о чем я мог думать – как они будут ощущаться в моих руках, а твои соски – у меня под языком. Как мой член будет выглядеть на твоей коже и каково будет обкончать всю твою шею».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.